

АУКА

БЕСПОЛЕЗНАЯ КНИГА,
или СКАЗКИ
О ПРОСВЕТАЕНИИ
ДЛЯ ПРОСВЕТАЕННЫХ

ТОМ 1

Аука

Бесполезная книга, или

Сказки о просветлении

для просветленных

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18534045

ISBN 9785447478209

Аннотация

Сказки живут в сердцах тех, кто их пересказывает. А задача Сказочника – привести сказку к людям. Эти сказки – ДРУГИЕ. Каждая из них – неправильная. Внежанровая. Неординарная. Надсценарная. Одним словом, простая, происходящая со всеми, запутанная сказка.

Содержание

Предостережение	6
Вся правда о Других Сказках	8
Вступление о Слове, сказанное мимо слов	8
Сам?	12
Сказочная мерность	13
Хулиганские мысли о сказке	15
Незакрытость	18
Про сказку, иглу да яйцо	21
Про советы	24
Другая сказка	26
Первая сказка перед...	28
Невидимое – рядом	33
Сказочная относительность	35
Нерассказанная ...сами поймете, кто	40
Сатисфакция	43
Вся правда о сказках	46
Дракон, Волшебник и ...другие	48
Сказка мечтающего облака	48
Чудо дня! Раз!	50
О Волшебнике, который...	54
Обычный человек	57
Будни злодея	60
Когда-то же нужно начинать	63

Из жизни драконов	67
Занимательно о Драконе неправильными английскими глаголами	69
Наставление перед практикой	72
Первое явление героев	74
Кабинет. Около полуночи	76
Нежданная сказка	78
Диалог с Драконом	81
Рождение Дракона	82
Диалог с погонщиком драконов	85
Запустить дракона! Взмах первый	87
Слушая музыку. Взмах второй	89
Понимание полета. Взмах третий	90
Мой дракон всегда со мной	95
Обычный день	96
Принцесса была...	98
Не бывает плохих людей	102
Прививка от совести	105
Ни слова о воде	107
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Бесполезная книга, или Сказки о просветлении для просветленных Том 1 Аука

© Аука, 2016

© Андрей Степанов, дизайн обложки, 2016

Редактор Ольга Рем

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предостережение

*Сказки Живут в сердцах тех, кто их
пересказывает.*

А задача Сказочника — привести сказку к людям.

Эти сказки — ДРУГИЕ.

Каждая из них— Неправильная.

Внежанровая.

Неординарная.

Надсценарная.

Одним словом, простая происходящая со всеми запутанная Сказка.

Она Живет где-то в этом мире или в том, или в эдаком и случается, приходит к Сказочнику, чтобы рассказать о чем—нибудь своем. Иногда это получается у нее в виде романа: с прологом—сюжетом—эпилогом, а иногда она приходит и начинает размышлять, словно сидя на подоконнике раскрытого окна в лунную ночь. Не понять умом, не уловить логики. Только прислушаться и прочувствовать, осознать вдруг, что уже живешь в ней, и спешно сделать наброски за собой: линиями, штрихами и многоточиями.

В сборнике все сказки привязаны к Сюжетным Линиям; им, конечно, не совсем по нраву быть привязанными, но их уговорили, или ушлептали— только ради Книги. А сказки уж

очень любят быть в КНИГАХ Сказок — это их «реальная» слабость. Вот они и выровнялись в линии— в дневниковые записи о событиях, происходящих с героями — словно создав портрет кисти художника—авангардиста.

Вот эта пурпурная ниточка повествования — очень личная, линиясамой Сказки.

А сквозь паутину всех линий проступает улыбка Сказочника.

А вот и она, смотрите, а вернее— зажмурьтесь!

«Сказка примостилась неподалеку и попивает себе кофе...»

Вся правда о Других Сказках и... Сказочнике Книга начальная

Вступление о Слове, сказанное мимо слов

Как бы ни были прелестны волшебные сказки, взрослый человек сочтет для себя недостойным питаться ими. И я готов признать, что отнюдь не все они соответствуют его возрасту. С годами ткань восхитительных выдумок должна становиться все более и более тонкой, и нам все еще приходится ждать пауков, способных сплести такую паутину... Нужно писать сказки для взрослых, почти небылицы.

А. Бретон (Манифест сюрреализма [1924] // Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западно-европейской литературы XX века. – М., 1986)

Как там по традиции положено излагать?

Вначале было **Слово**?

Хорошо. Если было Слово, то перед словом было Дело?

А как иначе?

А если было Дело, то был тот Некто, кто его делал!

Некто сказал в начале Слово!

Или написал, ...или явил Миру, ...или воплотил, ... — тут вариантов предостаточно.

Главное, что Слово было *явлено*.

Но ведь это далеко не всё! Просто явить Слово недостаточно.

Необходимо, чтобы был Кто—то, кто это слово *услышал* (прочитал, воспринял).

Что на этом этапе у нас получается?

Некто сказал Слово, и Слово было услышано (пусть будет услышано, чтобы постоянно не уточнять).

Но чем Слово отличается от неСлова?

Смыслом.

Как только Слово будет услышано, оно тут же будет (как —то там — это пока неважно) понято.

Уф!

Некто явил Слово, Оно было услышано и понято!

Потом ТотКтоУслышал явил свое понимание Слова, оно было услышано, понято и ...понеслось!

С тех пор так и повелось.

Хотим мы того или не хотим, но в этот процесс вовлечен каждый из нас.

Нет другого способа, чтобы передать знание, поделиться пониманием или просто поболтать о пустяках.

Но доверять только слову нельзя... из—за понимания.

Каждый понимает в меру своих способностей и являет миру Слово, приправленное этим пониманием.

То есть человеку говорили одно Слово, а он произнес свое понимание этого Слова, даже если просто повторив его.

Как—то так. Путано, нелогично, противоречиво – в лучших традициях Слова.

Теплый ламповый ритуал явления—понимания слов.

Если ты, читающий, добрался до этого места текста, не возненавидев автора, то значит, тебе уже можно узнать, а зачем это я тут все это накрутил?

Накрутил, конечно, не я— до меня Мастера накручивать были, я скорее безуспешно попытался распутать.

В итоге запутал еще сильнее. Но!!!

У меня появился повод раскрыть намерения и при этом не проговориться.

Миру было явлено множество текстов о Волшебстве.

Были честные книги, где не было ни слова неправды.

Встречались труды, не содержащие ничего кроме домыслов и выдумок. И все они состояли из слов, точнее из понимания слов, когда—то услышанных (понятых) авторами.

При этом правдивые книги могли оказаться бесполезными, а лживые (что даже и не удивительно) – вдохновляющими.

Скорее всего, никто и не знает, как можно рассказать о Волшебстве словами. При этом точно зная, что без слов рассказать просто невозможно. Вот и получается в итоге бу-

терброд, намазанный смыслами с двух сторон, без корочки в середине: Ты читаешь текст о Волшебстве, так сказать, одно из введений (*их будет несколько*).

Автор, ничего не понимающий в Волшебном, не умеющий произвести ни одного внятного Волшебного ритуала, решил рассказать словами то, что будет находиться между слов. Но причина такого странного поступка не в скудоумии автора, а в намерении Волшебного. Потому что пути, по которым Волшебное решает поступать— так или иначе— неисповедимы.

На этом первый опыт вступления будем считать законченным.

Сам?

– Сказочник, значит? – Секретарь даже приподнялся из-за конторки и внимательно посмотрел на меня поверх стареньких очков. Одно из стекол, словно след от молнии, пересекала лихая трещинка.

– Нет, что Вы, – проямлил я. Мне было неудобно, что я отвлекаю этого человека.

– Сказочник! – отрезал секретарь и сел на свое место. – Взгляд у тебя такой, как буравчик. Смотришь и примечаешь будто, а на самом деле вроде и не видишь. Знаю я вашего брата. Приказано пропускать без промедления! Уж не знаю, с чего такая честь? Он указал мне на дверь. На дверях висела табличка «Сам».

– Спасибо, – пролепетал я и шагнул к огромной двери. Я не понимал, зачем я здесь, хотелось уйти и никогда не возвращаться.

Дверь открылась сама, едва я оказался напротив неё. Хочешь, не хочешь— а заходи. Я оказался в огромной зале. В центре залы стоял стол. У стола— стул с высокой резной спинкой. На столе— прибор для письма и кипа бумаг. И больше ничего и никого.

Так вот что означала табличка на двери!

Всё, значит, – Сам?

Сказочная мерность

В нескольких сказках от воплощения мечты.

Такая вот забавная единица измерения – «сказки». Что же можно измерить сказками? Например, расстояние «от и до». От чего угодно, до всегда возможного. В сказках мерить легко, если не боишься странного и готов к будничному.

Нет ничего более обычного и будничного, чем сказка. «Жили-были» – герои сказок просто живут, без особых затей. В этом главный секрет настоящей сказки – она скромна, незатейлива и незаметна. И только тогда возможно появление необычного. И это необычное можно заметить, только находясь вне сказки. Потому как для тех, кто внутри сказки – ничего необычного не происходит. Звери разговаривают? – так и правильно, как же им общаться? Чудеса случаются? – а Вы уверены, что Ваша теперешняя Жизнь, если на неё взглянуть со стороны, не чудесна? Ведь Вы-то внутри неё, внутри Жизни.

А что если кто-то сочиняет Вас и Вашу Жизнь как сказку? Задумались? И правильно!

Откуда—то ведь появились Ваши мечты? Жили—Вы—были, никого не трогали, и тут вдруг – раз! – и мечта появилась? Чего ради?

А появилась мечта – началась сказка.

Сказочник – это такой специальный человек, которому

редко, но открывается возможность отмерить пару сказок «от и до». Отмерил хотя бы раз и всё – пропал. Уже и не скажешь, где граница, что отделяет сказочное от реального. И есть ли что—то более реальное, чем сказка?

В нескольких сказках от...

...Сколько еще сказок отмеряно? Не знаю. Как не знаю того, когда и по какой причине ко мне вдруг постучится сказка. Мне остается лишь записать её – сделав еще одну крошечную отметину в бесконечном «от и до»...

Хулиганские мысли о сказке

«Сказка — ложь, да в ней намек...»

Знал, знал классик, о чем писал. Может потому и определен в классики, что рифмовал так точно то, что прозой пришлось бы описывать долго и нудно.

Примерно так:

Правда – штука довольно жесткая. В рамках потому что. Нельзя правде из рамок выбиваться – недолго и перестать правдой быть. Не зря говорят о «голой правде». Правде нечего прятать и нет никакого смысла что-то недоговаривать, во что-нибудь рядиться. Говорящий правду похож часто на не совсем адекватного героя, что вылез на показ, чтобы, значит, проявить свое геройство. Важность правды давно известна и практически неоспорима, ...пока правда остается в рамках. Сочинить правдивую сказку – невозможно.

Стоп.

Построим фразу иначе: «записать правдивую сказку – невозможно». На мой неискушенный взгляд, сказку невозможно сочинить – её можно только записать. А сочинить уже потом можно одежду, в которую сказку обрядить можно и показать читателю или слушателю. Почему же невоз-

можно правдивая сказка? По простой причине – сказка любит наряды. Не терпит сказка наготы и прямолинейности. Напомню: «Основа сказки – ложь». Что же во лжи есть такого привлекательного? Затеиливость, неопределенность, многосмыслие.

Лгать – плохо.

Это известно каждому. Как плохо и вредно есть соль ложками. Но стоит добавить совсем немного соли в еду, как вкус становится ярче и сочнее. Если только лгать и преуспевать в этом, то легко «пересолить» и превратить Жизнь рядом собой в совершенно «несъедобное блюдо». Но все ли в сказке ложь? Ни в коем случае. Ложь в сказке играет очень важную роль – она оттеняет правду. Ту правду, которую сказать на прямую или трудно, или попросту невозможно.

Вот и до намека добрались.

Намек подталкивает слушателя или читателя сказки к сотворчеству, к тому, чтобы самому додумать, доСмыслить. Сказка – творчество совместное. Она записывается и наряжается автором, а смыслом её наполняет слушатель (читатель). Ух, как удивительно выстроилась эта сказка. Началась с крылатого выражения, а потом переродилась во что—то совершенно для меня неожиданное.

И ведь Вы её только—только дочитали и, значит, пропитали собой, доСмыслили.

Я даже представить не могу, какой смысл Вы в ней увидите.

Вы уже догадались?

То, что Вы прочли – это сказка.

Ложь с намеком, которая решила замаскироваться под правдивую рассуждалку.

Спасибо, что у Вас хватило терпения дочитать её до конца.

Незакрытость

С дверями осторожнее. Правила простые. Закрывать дверь за собой. Не открывать дверь, если не уверен в том, что за нею. И не разрешать пользоваться дверью тем, кто не знает правил.

В кафе зашли мужчина и женщина. С виду — обычные люди, если бы не поведение. Мужчина вел себя так, словно его только что забросили в это измерение. Пристально и с удивлением осматривал посетителей кафе, с нескрываемым интересом разглядывал обстановку. Женщина дернула его за рукав, увлекая к ближайшему столику. Мужчина посмотрел на нее, словно видел впервые, и помог раздеться. Это напоминало то, как если бы естествоиспытатель присутствовал при вскрытии неизвестного науке существа. Уж не знаю, что ожидал увидеть мужчина под невзрачным китайским пуховиком, но он очень волновался. Под верхним слоем одежды обнаружилась обычная и ничем не приметная женщина. Она забилась угол и тут же начала с кем-то разговаривать по телефону. А мужчина, осторожно ступая, понес одежду к вешалкам. Я отвлекся на разговор с официантом и, когда снова обратил внимание на странную парочку, то мужчины не было. Не было и его одежды. Когда и куда он умудрился исчезнуть, непонятно. Входная дверь оснаще-

на колокольчиком и слышно, когда ее открывают. Но дверь молчала.

Утром в маршрутке внезапно вслух заговорила сидевшая напротив женщина. Я дремал и подумал, что она говорит по телефону. Но её голос крепчал, и скрыться от монолога было невозможно. Она говорила от имени нескольких персонажей, умело подражая их речи. Открыв глаза, я понял, что ни телефона, ни гарнитуры у нее нет. Она разговаривала с кем—то, кого видела только она. И никаких признаков психического расстройства на лице. Вечером по пути домой повстречал мужчину, громко и увлеченно говорившего вслух, кроме прочего, он еще и буйно жестикулировал. Через какое-то время повстречал еще одного «говоруна», этот был тихим, но вел беседу с целой аудиторией. Наверное, он читал им лекцию.

А может это со мной что-то «не так»?

Или наоборот – «так»?

Может это я вернулся не в ту дверь? И теперь вижу то, чего видеть не положено?

– Ты знаешь, как Сказочник сказки воплощает?

– Да. Он их вслух рассказывает и тут же записывает. Под свою диктовку. Часто даже на ходу, когда гуляет. Но во время прогулки не записывает, конечно.

– Хм. Наверное, это выглядит странно со стороны.

– Никак это со стороны не выглядит. Он же – Сказочник. Сказка прячет его от посторонних глаз. Да и не позавидуешь тому, кто увидит такое.

– Почему?

– Так ведь персонажи сказки рядом оказываются. Представь, идет человек, а рядом с ним Дракон вышагивает или еще кто-то поинтереснее?

– Ничего себе. Что же получается? Они все реальны?

– Все зависит от точки, с которой на них смотришь. Для сказочника – реальны. Для того, кто сказку читает и слушает – тоже реальны. А остальным и не нужна эта реальность.

– Смотри, сколько людей вслух сами с собой разговаривают? Их видно и слышно. Значит, они не сказочники?

– Нет. Они не закрыли за собой двери. Во сне или еще где-то.

Про сказку, иглу да яйцо

– А Кощея тебе не одолеть, Царевич, – Сказочник, кряхтя, стал шурудить в печи кочергой, а как закончил, то поставил в печь горшок со щами. – Но, если бы и смог ты его одолеть, то тогда миру, к которому ты так привык, пришел бы окончательный и безоговорочный конец. Голову тебе заморочили, сынок. Я немного помогу разобраться, а про то, что умолчу, тебе бабка Яга расскажет, если конечно раньше тебя в печи, как эти щи, не приготовит. – Сказочник расхохотался. – Не робей, герой! Лучше слушай.

Сказка про Кощееву смерть была придумана не случайно— все эти звери да птицы, друг в друга вложенные, яйцо и игла. Расскажи я, как есть— не миновать беды. Попадет знание лихому человеку— и что тогда? А сказка— она ж несерьезной выглядит, вроде как для деток её сказывают. Какой нормальный злодей будет к сказке прислушиваться? Он лучше книгу умную добудет или умнику какому допрос учинит. Но мало сказку узнать, к сказке ключик иметь надо, а там уж этим ключиком и можно до знания добраться.

Сказывают, что когда-то давно люди немые были. Как дети малые или звери какие. Для того, чтобы жить—поживать, слова ведь и не нужны вовсе. На помощь можно криком по-

звать, шипением предупредить об опасности, рыком напугать. Что тебе необходимо, жестом показать можно. Но зачем—то слово появилось? А слово – это скорлупа, под которой спрятана игла – истинное и окончательное значение всего, что только может случиться. Горе с тобой или радость, боль или блаженство – всё имеет свой смысл. И смысл тот прост и незащищен. Как глина. Что хочешь вылепить можно. Вот люди и стали со смыслами играть. Столько разной нечисти наплодили, что и представить страшно. Что-то нужно было с этим делать.

И тогда дали людям слово, взамен смысла. И стало слово смысл защищать от неосторожного обращения, как скорлупа содержимое яйца защищает. Людям очень слова понравились. Вроде как всё по-настоящему, а ничего на самом деле не случается. Говори, что ни попадя, – слово всё стерпит. Тогда-то и появилась мода яйцо в утку, утку в зайца и так до бесконечности. Захочешь смысл разыскать, столько надо труда приложить! Слово-то не воробей! Но для человека упорного нужно было оставить путь, как смысл разыскать.

Ведь если ему действительно так смысл нужен, то его никакими трудностями не остановить.

Можно подумать, что легче всего разбить скорлупу. Это так и не так. Помнишь сказку про курочку Рябу? Дед с бабой чем только по яйцу ни колотили – не могли разбить, а мышка легким движением хвостика управилась. Главное в сказке

той утаили – куда мышка яйцо уронила, что то вдруг разбилось? Не спрашивай, я и сам не знаю. Знаю лишь, что каждому нужно самостоятельно придумать способ, как с той скорлупой справиться. Сколько людей— столько и загадок. Чужая отгадка мало тебе поможет – свою искать надобно. Чувствуешь, запах какой? Это щи в печи подошли, сейчас достану горшок и трапезничать будем.

Про советы

Говорят, что давать советы придумал один злой Волшебник. На самом деле, он был не злой. Волшебники по определению не могут быть злыми или добрыми. У того волшебника был сложный характер, а это не всем и не всегда нравится. Но посудите сами, легко ли остаться добреньким и пушистеньким, когда с одной стороны тебя одолевает толпа страждущих чудес, с другой— недалекие ученики прохода не дают, а с третьей... ладно, с третьим сам виноват— никто его не заставлял жениться.

Однажды оглянувшись Волшебник на свою Жизнь и понял, что дальше так продолжаться не может. Растерзают его на все три стороны, не останется времени на истинное волшебство, не говоря уже о прочих удовольствиях. И Волшебник начал раздавать советы. Он так решил: умному человеку совет и даром не нужен, разве что один раз, чтобы подсказать, как самому додуматься, а дурак от совета спокойнее станет. Дураку—то что нужно? Выглядеть умным. Хочешь выглядеть— вот тебе совет, умный совет. Можешь передать (читай: *дураку*) другому.

И началась кутерьма...

Дуракам так понравилось советы получать и раздавать,

что они скоро о Волшебнике и вовсе забыли. А тому только того и надо. Он дал дуракам совет — собирать советы в книги и издавать их на пользу другим людям. Дураки и рады стараться. Скоро появились книги с советами на все случаи жизни. Книги—то эти бесполезные, на самом деле. Совет любой он ведь лишь один раз может пригодиться, а потом, если конечно есть у тебя голова на плечах, ты уже и без совета обойдешься. Но это умному человеку так.

Вроде с виду Жизнь наладилась. Волшебник с удовольствием отдался приятному делу, а по миру советы гулять начали и непотребное творить. Совет, он ведь с виду всегда умным и полезным кажется. А на деле бывает, что иной совет и беду принесет. А советчик, вроде, как и не при чем, его дело маленькое— он дал совет... и в сторону.

Увидел это Волшебник и сделал в воздухе странный жест рукой. А это, доложу я Вам, страшное дело, когда волшебники в воздухе руками машут. Но дело сделано, и с тех пор...

Давая советы, будь осторожен. Не пришлось бы самому за свой совет ответ держать. А ты думал, что дуракам закон не писан?

Другая сказка

Сказку бы...

Записать, не подумайте ничего плохого.

Записать бы сказку. Да такую, чтобы брала за душу и за прочие укромные уголки. Брала и аккуратно так приподнимала, а потом внезапно роняла. И чтобы не было у той сказки ни дна, ни крыши — уронила, а не понять, падаешь ты или просто ветер сказочный в ушах завывает? К слову сказать, сказочный ветер ничем от несказочного ветра не отличается. Вдруг Вы об этом не знали? И если в сказке какой-нибудь герой начинает с ветром общаться, то это не потому, что ветер особенный какой-то. Всё дело в герое. Не с кем тому больше поговорить, вот с ветром и разговаривает разговоры. Ветер — отличный собеседник — и выслушает, и ненужные слова «по ветру унесет».

Со сказочными героями нужно ухо остро держать. Как это «остро»? А это значит, что время от времени нужно проверять состояние своих ушей — не повисло ли там чего или не заросли ли они ненароком. Проверять таким уверенным движением руки — словно заострять.

Оказаться на месте сказочного героя — упаси Бог. С одной стороны, конечно, в финале будет тебе по заслугам. А с дру-

гой, заслуги эти заслужить надо, рискуя, надрываясь и не жалея. Иначе сказки не получится. Сколько их, сказок, пропали зазря из-за непутевых сказочных героев? И не сосчитать.

Сказочники тоже виноваты. Не без этого. Но со сказочника спрос невелик. Маленький такой спрос — под стол пешком забегает, вприпрыжку возвращается. Сказочник, он ведь старается ради словца красного, чтобы сказка, словно речка, текла ровненько да ладненько.

Сказку бы...

Да только сколько ни морщи лоб, ни заламывай суставы, а коль сказка *сама* тебя не выбрала, не будет толку. Или какого заморыша на свет произведешь, или затоскуешь от собственной никчемности. А посему, если сказка не идет, то займи себя, чем—нибудь другим. Сколько этого другого вокруг!

Первая сказка перед...

Три правила как не угодить в сказку:

Никогда не здоровайся и не разговаривай с воронами.

Не начинай первым разговор с незнакомцем в знакомом месте.

Не трогай за ручку двери, если не знаешь, что за ней.

Гулять по зимнему городу без плана. И без цели. И без оглядки на планы и цели других. Топаешь себе куда глаза глядят, а то и спиной вперед немного пройдешься, или боком. Кому какое дело до того, как, куда и зачем шагает человек? Ни—ко—му! И создается впечатление (как выясняется потом – обманчивое), что ты хозяин своей прогулке и идешь, куда тебе заблагорассудится. Но на самом деле за тебя все уже решено, и твой маршрут не просто неслучаен, но случаен до мелочей.

Только вышел из парка, а навстречу мужик. Тащит мешок с чем—то явно белым и очевидно тяжелым. Старательно так тащит, всем видом показывая, что нелегка поклажа.

И боком, боком ко мне поворачивается, как бы приглашая прочитать надпись на мешке: «Пуд соли». Надо же! Я и не удержался:

– Неужели и правда пуд?

– Никифор я, – признался мужик. – А это, – он кивнул

на мешок, — мешок! В нем — соль!

— Дык, — неожиданно для себя проямлил я и оглушительно чихнул. И когда открыл глаза, то мужика Никифора не обнаружил. И мешок куда—то исчез, вместе с солью. Насчет пуда я уже и сам сомневаться начал.

Мне бы забеспокоиться. Но нет, приободрился, шагаю себе дальше, насвистываю вальс «Под небом Парижа». Первую часть насвистел, даже связку просвистеть смог, а вот там, где Ив Монтан лихо так меняет мелодию, застопорился. Начал еще раз. Без запинки добрался до трудного места — не помню! Что за чертовщина? И решил сократить дорогу и свернуть к стайке елок, что росли неподалеку от автобусной остановки. Автобусы давно перевелись, проиграв неравный бой нахальным и неудобным маршруткам, но буква «А», приютившаяся на желтой жестянке, вежливо указывала на то, что, в принципе, автобус здесь возможен.

Снег в городе появился незаметно. Сначала выпал дружно, хоть и едва прикрыв землю, а потом шел робко и непостоянно, в основном по ночам или в разгар трудового дня. И в результате оказалось, что снег есть. Не сугробы по колесо, конечно, но вполне нормальное снежное покрытие, на котором можно оставлять следы или поскальзываться.

Под елкой снега намело чуть больше, и из небольшого сугроба торчала воронья голова. Было такое ощущение, что

ворона сначала зарылась в снег целиком, подождала, пока нападет еще снега, чтобы скрылись следы её деятельности, а потом осторожно пробурила своим клювом дырку ровно такую, чтобы можно было высунуть клюв и осмотреть окрестности.

– Привет, – брякнул я вороньему клюву в сугробе.

– Угrrrrу, – раздалось мне в ответ, и вслед за клювом показался пыливый глаз. Глаз меня осмотрел, потом исчез, показался другой глаз, и после этого из сугроба появилась целая ворона. Она не сломала свою нору!!! Но как? Ворона поворобыному запрыгала по снегу с очень озабоченным выражением (как это у ворон называется? Лицо – у человека. Морда – у зверей! А у птиц?) ...в общем головы. Создавалось впечатление, что она считает свои прыжки. – Аааааа-аать! – проорала ворона и завернула за елку. Я послушно поплелся следом (спрашивается – заааачем?). В окружении елок стояла скамейка, а на ней сидел и курил Дед Мороз.

Считается, что все деды морозы – ряженые. Одеваются люди мужского пола (а часто и женского) в странный костюм, начинают говорить зычным голосом, но все при этом уверены, что никакого Деда Мороза нет. Маскарад такой. Конечно, все – правы. Но это ничего не отменяет. Ведь если человек натянул на себя подобие тулупа, нацепил на лицо что-то напоминающее бороду с усами, пристроил на макушку шапку, ноги поместил в валенки, взял в одну руку посох,

а в другую мешок, то он автоматически становится Дедом Морозом. Магия такая, не зря она уже столько лет повторяется с неизменным успехом.

— Присаживайся. — Дед кивнул на скамейку рядом с собой. От его кивка снег со скамейки как сдуло, хотя ни ветерка. — Курить будешь? — Я отрицательно помахал головой. — Вот и я не буду, — нелогично заявил Мороз, жадно затянулся и хлопнул в ладоши. Сигарета вместе с дымом куда—то исчезли, только две варежки трогательно болтались на резинках.

— Значит, ты — Сказочник, — утвердительно и зычно произнес Дед и с какой—то особенной теплотой осмотрел меня. У меня мурашки побежали, такие росленькие, с воробья каждая. И я не нашелся, что возразить. Впрочем, ответа от меня никто и не ждал. — Хорошая, хорошая, — ласково пророкотал Мороз и потрепал по голове ворону, которая сновала у него под ногами, потираясь о валенки, как странная кошка. Рука у Деда была внушительная и нежная трепка изрядно помяла птицу. Та по-собачьи, начиная с головы, отряхнулась и проорала неоригинальное «Каааарrrrrrr». — Сказочник! — продолжил Мороз и задумался. И тут я заметил, что вокруг нас полно разных птиц, несколько собак мнутя неподалеку, а из глубины елки смотрят два огромных зеленых глаза. — Так вот я и говорю, — монолог Деда был явно продолжением какого—то разговора, начатого до моего по-

явления. — Открывай дверь в сказку. Кому как не тебе! А там уж как повелось... — Дед Мороз с улыбкой огладил неизвестно когда успевшей переодеться в варежку рукой свою роскошную бороду и кивнул в сторону.

Выражение «кивнуть в сторону» может указывать как минимум на восемь различных направлений. Вперед, назад, направо, налево, вверх, вниз и вбок два раза. Мне хватило одного. Передо мной была Дверь. Нет не так — *ДВЕРЬ!!!* Масивная, старая, повидавшая многое, потемневшая от впечатлений и монументальная от мудрости. У *ДВЕРИ* была Ручка. Тоже деревянная, но какая—то беспокойная. Ручка постоянно оглядывалась на меня и суетливо приглашала за неё взяться. И что мне оставалось? Лишь успела угасающей искоркой мелькнуть мысль: «А куда открывать *ДВЕРЬ*? Тянуть или толкать?». Но как только я коснулся Ручки, *ДВЕРЬ* закрипела и открылась сама...

За дверью была Сказка.

Невидимое – рядом

Шаг вправо, два вперед и четыре – влево. А теперь набрать воздуха в легкие, закрыть глаза и войти в дверь. Несколько мгновений перехода. Нечем будет дышать, откажут органы чувств. Для того, чтобы появиться в другом месте, тебе предстоит исчезнуть в этом. Но переход происходит так быстро, что ты обычно ничего не успеваешь заметить. Тебе это напоминает внезапное чихание. На короткое мгновение и ослеп, и оглох, и потерялся...

Дверей в невидимое видимо—невидимо. Лучше и не скажешь. Нужно быть не просто очень внимательным и чутким, чтобы заметить их. Самое главное – быть готовым их заметить. Ведь замечаем мы лишь то, к чему готовы, на прочее старательно не обращаем внимания. Но и этого мало. Даже если невидимое попадает нам на глаза, мы изо всех сил ищем знакомые образы, лишь бы не увидеть реальное. Это тысячелетиями наработанный инстинкт самозащиты.

Зимой для перехода возможностей больше. В солнечный день снег слепит. В снегопад и метель теряешь ориентиры. Вот и шагаешь в дверь невидимого. Но находишь объяснение даже невероятному. Станный рокот моментально присваивается снегоходу, две многорукие тени обретают очертания людей. Мужчина и мальчик. Они могли бы выехать из-за

поворота, да только чисто поле вокруг, и появиться внезапно им было неоткуда. Но это уже неважно. Невидимое стало видимым.

— Вы не заблудились? — спрашивает мужчина, а мальчик по—взрослому хмурит лоб. Они словно вспоминают забытую роль. Вопрос банален и вроде бы уместен, хотя, как тут заблудиться, за спиной же дом. Но что—то шепчет внутри, что оглядываться не нужно, нет там сейчас никакого дома. Там и Мира-то нет.

— А куда вы идете? — не унимается мужчина, и мальчик уже похож на древнего ворчливого старика. Не дожидаясь ответа, они уезжают от тебя на дикой скорости. И ты вдруг понимаешь, что оба вопроса важны сами по себе и не привязаны к тому, где ты сейчас...

И ты вдруг чихаешь.

Слышен лай любимой собаки. И вот она— родная брошенная с лета солома под снегом. И запах свежего вперемешку с прелым.

Что это было? И было ли? Хруст снега под ногами. Это якорь и это нить Ариадны. По нему вернешься и из—за него же и заблудишься.

Сказка не просто рядом. Сказка всегда с тобой. Один неосторожный шаг в правильном направлении — и вот оно. Невидимое. Рядом...

Сказочная относительность

Ходить по снегу на цыпочках бесполезно. Все равно, снег будет хрустеть и выдавать тебя. Можно топтать изо всех сил, можно скользить на носочках. Без разницы. Разве что немного изменишь мелодию издаваемого хруста. Но я подкрадывался на цыпочках. Под ногами похрустывало на разные лады, это бодрило. Где—то здесь был Тот, кого я выслеживал. И я очень надеялся, что Он не обратит внимания на какой—то там хруст снега.

– Кхе, Кху, Кхо..., – раздалось откуда-то сверху, и кто-то осторожно постучал меня по плечу. Это произошло так неожиданно, что я не успел испугаться. Мой страх удрал от меня быстрее тени, я даже видел, как он, стыдливо озираясь, скрылся за каким-то камнем.

Оставшись без страха, я посмотрел сначала на то, чем стучали по моему плечу. Это был коготь. Но не птичий. Но коготь. Думать о том, какой величины должна быть лапа, частью которой был этот коготь, не хотелось. А ведь лапа прицеплена к туловищу. И таких лап, как минимум, четыре.

– Сказочник? – Вопрос прозвучал оттуда же, откуда до этого слышалось покашливание. И тут со мной что-то случилось. Я словно бы подрос, или Мир вокруг под меня подстроился. Но коготь уже не казался огромным, а голос слы-

шался так, словно говоривший был примерно одного роста со мной.

В сказках герои часто общаются с великанами, драконами, стихиями и прочими невозможно огромными созданиями. Никто почему-то не задумывается над тем, а как герою удастся выжить после того, как ему что—то скажет великан? Это звуковой удар такой силы, как если бы с тобой разговаривала молния, находясь в паре шагов. Но герои целы и невредимы. И этому есть простое объяснение. Сказочная относительность. Она относительна даже относительно самой себя и поэтому с легкостью может сглаживать разницу в размерах, позволяет общаться, не утруждая себя знанием языка собеседника, и вообще творить многое такое, что, как кажется, сотворить невозможно. Та относительность, к которой мы привыкли, обычно что—то берет в качестве точки отсчета или эталона. И это очень ограничивает. Теперь, когда я все понятно и просто разъяснил, продолжим сказку.

За моей спиной был Змей Горыныч. Дракон аппетитно восседал за щедро накрытым столом. Во главе стола царствовал самовар, ведер так на триста, не меньше. Горыныч был почему—то с одной головой. Эта голова приветливо улыбалась. Но потом она вильнула в сторону, и за ней оказалась еще одна голова, явно моложе первой. Эта голова смотрела на меня с нескрываемым восхищением. Молодая голова

качнулась и за ней показалась голова с очень мудрым выражением. Она смотрела на меня с деланным безразличием, она не ждала уже ничего нового от этого мира. Я заворожено ждал, но головы закончились.

– Ну? Ага? Эх... – одновременно произнесли головы.

– Доброго здоровья, – просипел я, постепенно приходя в себя. Я так и не мог понять, как это я умудрился не заметить Дракона, громадный стол и не почуять аппетитнейшие запахи, от него исходящие. Видимо, я еще был под влиянием привычной мне относительности, пока голос Горыныча не привел меня в чувство сказочной относительности.

– Чаю? С медом!!! Не обожгитесь, – гостеприимно пригласили меня к столу.

– С удовольствием, – я принял, уже ничему не удивляясь, блюдец с чаем, обмакнул кстати оказавшийся рядом блин в мед и отведал чаю. Да! Это был знаменитый чай Горыныча, настоящий на тысяче тысяч трав, высушенных под сотнями сотен ветров.

– Рассказывай! Сказку!!! Хоть что—нибудь, – попросили меня, как только мы обменялись дежурными новостями и отдали должное роскошным кушаньям.

– В некотором царстве, в тридесятom... – заученно начал я, и был тут же бесцеремонно прерван.

– Нет! Про свой Мир! Эти сказки мы лучше твоего знаем...

Легко сказать, рассказать сказку про наш Мир. А что в нем такого? Чудеса давно занесены в Красную Книгу Чудес и объявлены безвозвратно исчезнувшими. А то, что пытаются продать под видами Чуда, в лучшем случае жалкая копия с копии шкуры давно забытого. Что может быть интересного для сказочного существа в нашем Мире?

– В одном офисе служили три друга... – обреченно произнес я.

– Они были богатырями?

– Почему богатырями? Обычными клерками. Офисный планктон.

– Но ведь служили? А офис – это дружина такая?

– Да какая там дружина! Типичный офис. Столы, компьютеры, принтер, кондишен.

– Кондишен? Вы слышали? Он сказал, принтер!!! – Головы восторженно загалдели, понимаяще клаца жуткими клыками и изрыгая разноцветные языки пламени.

Не знаю, сколько прошло времени, пока я с горем пополам смог рассказать, что такое кондиционер. Про принтер я уже боялся заикаться, потому что тогда пришлось бы объяснить, что такое бумага. А про компьютер было бы лучше вообще как—то замять!

– Я понял! Так вот это что! Так бы сразу и сказал, – неожиданно заявил Горыныч. И просто и понятно рассказал мне, что такое офис, кто такие клерки, зачем нужен принтер

и чем так удобен компьютер. И все это – без привлечения новых или неизвестных понятий. Сказочная относительность в действии. Я был сражен.

Потом Горыныч покатал меня и успокоил. Ничто так не успокаивает, как прогулка на огромном драконе. Я орал так, что окончательно пришел в себя и понял, что я дома. Не относительно того, что домом не является, а что это – и есть тот Дом, где ты всегда Дома, что бы там ты себе ни думал.

Нерассказанная ...сами поймете, кто

О том, что нужное место рядом, говорили все приметы. Некоторые из примет говорили так громко, что заглушали все остальные звуки. Потом понесло коня. Вроде, не ел он ничего такого, но несло его так сильно, что пришлось оставить верного коня на полянке, поросшей чем-то аппетитно зеленым и свежим, но мало похожим на траву. В завершение ко всему, отказались верить глаза. Чтобы об этом рассказать, я даже с красной строки начну.

Вроде ничего особенного не происходило, но при этом непрерывно менялось. Смотришь на дерево – дятел сидит, стучит усердно. Приглядишься, а то никакой не дятел, а белка орехами угощается. Не успел удивиться такому превращению, а видишь, что не белка это вовсе, а сломанная ветка на ветру качается и об ствол дерева стучит. И такая кутерьма со всем, что видишь. Как тут глазам верить? Вот они и отказались!

Выяснилось, что если то, что увидел, вроде как не узнавать, то оно какое-то время еще узнаваемо. Но если не удержался, да еще и назвал вслух, то такая карусель начинается – голова кругом. Идти трудно, очень трудно, когда голова то в одну, то в другую сторону крутится.

Сказочник обнаружился на берегу. Берег был зыбким, колыбался и вкусно пах свежими лесными ягодами. Река, чьим берегом был этот берег, была полноводна и нетороплива, если можно назвать водой белую пенную жидкость, что протекала вдоль ненадежного берега.

На Сказочника указывала деревянная или берестяная, а может даже листовенная табличка. Надпись на табличке постоянно менялась, часто вступая в противоречие с самой собой. Общий смысл написанного на табличке был примерно таким: *«Сидящий может оказаться сказочником, а может оказаться где угодно».*

И все-таки, это был сказочник. Ведь только он не менялся даже после того, как его узнали. Хотя, может быть, как раз не менялся он потому, что это был не он. Но никого другого поблизости не было. Сказочник (будем все-таки считать, что это сказочник, иначе мы никогда не закончим) курил длинную сказочную трубку. Правда, курил он, если смотреть на него с определенного расстояния, потому как если подойти ближе, то оказывалось, что никакой трубки в руках у Сказочника не было и он всего лишь почесывал нос.

Не оглядываясь, Сказочник гостеприимно указал рукой на пейзаж вокруг. Ничего не оставалось, как сесть рядом с ним на берег.

– Земляничный, мой любимый, – сказал Сказочник и отщипнул от берега аппетитный кусочек. – Раз уж ты меня

узнал, то я тебе расскажу, в чем дело. Ты попал в сказку. В самую настоящую сказку, но еще не рассказанную.

— Как это, нерассказанную?

— А вот так. Где—то же должна быть сказка, пока её не рассказали. Ты в курсе, кто ты?

— Если честно, то нет!

— То-то и оно. Была бы сказка рассказанной, то тебя представили бы как главного героя. Мол, «жил—был», так и так. Имя бы тебе дали. Происшествие какое-нибудь организовали. А там уж и — «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается».

— И что мне делать?

— Оставайся со мной, пока тебя не расскажут.

И главный еще неизвестный никому герой остался. Скоро к нему пришел верный конь, и вошло в привычку то, что все вокруг так изменчиво и непостоянно.

Так что, когда сказку сказывать будете, то не спешите. Постепенно героя в наш мир вводите. Расскажите всё по порядку: «В некотором царстве...» и тому подобное.

Сатисфакция

Сказочнику снился сон. Или сну сказывался Сказочник. Когда встречаются сон и Сказочник, то все идет своим чередом, только этот черед сам не знает, куда идет он.

Происходила музыка Моцарта, что-то скрипичное в вариациях менуэта. Скрипка спорила с альтом, тот звал на помощь виолончель, и это было невыносимо красиво. Удивительно, как классическая музыка легко может обходиться без ударных, оставаясь при этом ритмичной и стройной. На фоне музыки Смерть разыгрывала беспроигрышную лотерею. Было непонятно, что же доставалось победителю – Жить или умереть? Но это не волновало организаторов, они бодро запускали хитрый механизм, который перемешивал на небе карточки с именами участников.

Сказочник заворуженно смотрел в небо, все еще надеясь, что его карточки там не будет. Жутковатое ожидание. Ничего невозможно изменить, и страшно так, что даже сон зазмурился из-за всех сил. Это было похоже на листопад, когда порыв ветра обнимает березку и с нее срывается охапка листьев. С неба падали карточки с именами. И теперь было понятно, какой приз ждет победителей. Имя Сказочника мелькало в разных частях небосклона, и он почувствовал,

что больше не в состоянии выдержать эту муку.

Автору важно успеть создать То самое, что будет когда-нибудь признанно главным в его творчестве. Никто заранее не знает, что это будет. Может, короткое трехстишие или путанный роман, а может незаконченная пьеса в одном действии. Но именно по этому произведению автора однажды вспомнят, предварительно основательно позабыв. Это такая лотерея, может и ее проводит Смерть, как сатисфакцию за неизбежность забвения.

Сердцу было тесно в груди, очень хотелось пить. В висках стучала единственная мысль о том, что повезло проиграть, и еще один день начался в его присутствии. Что же он рассказал такого, о чем когда-нибудь, и кто-нибудь вспомнит? Сказочник быстро забывал приходящие к нему сказки. Он даже не сразу мог узнать по прошествии времени записанную именно им сказку. Кто-то может назвать это наказанием, но Сказочник считал это благом. Сказки Живут в сердцах тех, кто их пересказывает. А задача Сказочника – привести сказку к людям.

Он очень любил этот момент тишины, блаженной и невозможно красивой. В такой тишине и навевали его сказки. Это была законная его награда, записать сказку, которой еще мгновение тому назад не было. Право первосказоч-

ности. И сказку непременно нужно было пересказать вслух. Пусть никто и не услышит. Но сказке важно привыкнуть к словам, к дыханию, к волнению и улыбке.

Однажды забудут Сказочника. А потом забудут и его сказки. Но когда-нибудь случайно кто-то наткнется на странные наивные тексты и, не понимая почему, прочитает их вслух. И хорошо, если в этот момент будет звучать музыка для скрипки...

Вся правда о сказках

– В твоей сказке не будет счастливого конца?

– Я не знаю. Много зависит от того, как себя будут вести мои герои. Будут ли они смелы, честны и будут ли готовы пожертвовать собой ради другого.

– Но, ведь если твои герои будут такими, то, скорее всего, они погибнут?

– Да, погибнут. Если герой останется Живым, то кому он нужен? Прославят и запомнят только погибших героев.

– Но ведь не всегда? Не всегда же так бывает?

– Если герой остался Жив, и о нем узнали, то значит у него не всё хорошо с честностью. Увы, настоящий бой – не очень красивое зрелище. Если не добавить в него романтики и чуточку не приврать, то ничего в бое нет такого, о чем стоило бы говорить. Ничего, кроме крови, боли, грязи и дурного запаха.

– Ты же Сказочник! Как ты можешь так говорить?

– Потому и говорю, что Сказочник. Хорошая сказка заканчивается обычно на словах «...и Жили они долго и счастливо» или «...был пир на весь мир». Но ты ведь знаешь, что самое главное в сказке, как и в Жизни, начинается после этих строк. Когда повешены доспехи на стену и гости разъехались, и деньги закончились, и слава позабылась.

– Что—то сказка твоя уж больно мрачной получается. Те-

бе самому не тошно?

– Нет. Я ведь Сказочник, и значит, мне дарован талант увидеть в обычном сказочное. Придумать что-то «чегонеможетбыть» – просто. Подметить в том, что видишь каждый день, чудесное – это и есть сказка.

– Но если в сказке нет счастливого конца...

– То это хорошая сказка. Сказка, которую будут рассказывать снова и снова. И каждый новый рассказчик сочинит к ней свой счастливый конец. Я начну, обряжу героев и добавлю чуть-чуть чудесного в пресный быт будней.

– Какой—то ты неправильный Сказочник.

– Настоящий. О настоящих Сказочниках, как и о настоящих героях, мало кто знает. На виду те, кто способен придумать хороший счастливый конец или те, кто мог красиво рассказать о бое, в котором не проливал кровь, а поддерживал под уздцы коня, пока героя втаптывали в землю.

– Тебе, наверное, обидно?

– Нет. Если ты хочешь, чтобы герои твоих сказок были хорошими людьми, то в тебе самом должно быть хорошего пусть на чуть-чуть, но больше.

– А как же с плохими героями?

– Точно так же. Чтобы плохой герой получился по-настоящему плохим, Сказочник должен быть немного хуже самого отъявленного злодея.

– И тогда получится сказка?

– И тогда начнется сказка...

Дракон, Волшебник и ...другие

Книга первая

Предназначение

Это – тайна. Но не та тайна, которую прячешь от других, а та Тайна, которая сама себя от людей охраняет.

Аука

Сказка мечтающего облака

На берегу одной знаменитой и никому неизвестной реки сидели Волшебник и его Ученик. Они занимались тем, чем обычно занимаются волшебники на берегу реки: лепили из облаков мечты.

– Учитель, – спросил Волшебника Ученик, разукрашивая очередное облако в форме удивленной зебры. – Тебя все считают великим Волшебником, но я ни разу не видел, чтобы ты использовал заклинания, которым ты учишь меня, или ритуалы, которые я практикую каждый день. Разве Волшебнику не нужны заклинания и ритуалы?

– Друг мой, – ответил с улыбкой Волшебник (он только что отпустил в полет огромное облако в форме дракона, ры-

дающего от запаха метели в одном взгляде от августа). – Ты задал хороший вопрос, и ответом на него будет один Великий Секрет: заклинания и ритуалы не нужны для Волшебства. Задача заклинаний и ритуалов в том, чтобы помочь человеку позволить себе Быть Волшебником.

– А что это означает: позволить быть Волшебником?

– Любое позволение означает согласие с тем, что ты такой, какой ты есть. Легко позволить себе быть слабым, несовершенным и бесконечно сложно позволить себе Силу и Величие. Но труднее всего позволить себе Волшебство.

– Почему? Чего такого есть в Волшебстве, что делает согласие с ним таким трудным?

– Истинное (настоящее) Волшебство – это позволение согласия с окружающим тебя Миром. Человек прекращает борьбу с Миром и принимает всё, что от этого Мира исходит. Подобный шаг требует много сил и очень труден. Но сделавший такой шаг становится равным Миру – он теперь Волшебник.

Уже сумерки выкатили солнце в полдень, и идущий с земли снежный грибной туман покрыл ровным слоем земляники склоны едва различимых близлежащих холмов. От комариных радуг было свежо и кувыркасто. Еще один день начинался с захода солнца на востоке.

Чудо дня! Раз!

Волшебником можно стать совершенно случайно. Даже не заметить этого. Много людей так и проживают свою жизнь, не догадываясь о том, что они волшебники. Подсказать некому, а самому додуматься – времени не хватает. Это, наверное, и к лучшему. Знали бы Вы, сколько волшебников из тех, что знают про себя, что они волшебники, завидуют обычным людям? Откуда про это знаю я? Это тайна. Но не та тайна, которую прячешь от других, а та Тайна, которая сама себя от людей охраняет. Никто из людей не знает о том, откуда берутся знания. Никто! Те же, кто случайно (а только так и можно про это узнать) об этом узнал, больше людьми не являются. Вот и весь сказ.

Можно стать волшебником из-за любви. Нет – не так! Из-за Любви! Уже лучше... Из-за ЛЮБВИ!!! Вот, – в самый раз. Любовь (я буду писать так, но Вы не забывайте, что, на самом деле, все буквы в этом слове должны быть заглавными и только так) – веская причина. Человек, ослепленный любовью, незаметно переходит невидимую границу и попадает в чудесное. А это равносильно радиоактивному облучению – передозировка ведет к необратимым последствиям. На влюбленного обрушивается столько счастья, что оно буквально смывает все на своем пути. Отчаяние влюбленного подобно бездонной пропасти. А равнодушие и апатия делают

влюбленного подобным камню. Как тут заметить, что ты меняешься? Никак. И все потому, что любовь – это тоже тайна, из тех, что охраняют себя от людей сами.

Если вдуматься, то человек живет на всем готовом. Откуда-то берутся знания. Почему-то возникает любовь. Неожиданно случается что-то важное. И это ни для кого не тайна, хотя многие почему-то предпочитают делать вид, что об этом не знают.

И все-таки, присутствие волшебника, даже такого, который не знает про себя, что он волшебник, люди чувствуют. Рядом с таким человеком вдруг улучшается настроение и самочувствие, дела начинают ладиться, сам ощущаешь себя таким способным и талантливым. Невидимая волшебная радиация в умеренных дозах полезна всякому.

Будем считать вступление законченным. Всё, что я хотел сказать, я сказал. Теперь могу позволить себе написать о том, что к сказанному не имеет ни малейшего отношения. Если Вам не нравится такой поворот повествования, то милости прошу – садитесь и напишите себе сами так, как Вам нравится.

Одно новое чудо в день. Это для начала. Потом можно и два, и семнадцать, но начинать только с одного. Иначе во вкус не войдешь, не распробуешь. Лучше всего, конечно, начинать с раннего утра – вместе с просыпающимся солн-

цем. На рассвете много кто делает важные дела – и птицы громче поют, и звери из нор выходят, да и люди тайное творят. Заповедное время. Но если спать любите, то не беда, можно и сразу как проснетесь. Ленились утром? Перенесите чудо на более позднее время. Можно начинать когда угодно. Но!... Нет, об этом пока рано.

Чудо должно быть свежим и еще никогда Вам не встречавшимся. Конечно, это не означает, что такого чуда не придумал кто-то другой. Но это важно, важно, чтобы для Вас это чудо было новым. Например, так: люди летают. Не как птицы, а как люди. Незачем махать крыльями, если у тебя их нет – для полета есть другие способы. Взять хотя бы летящую походку. Человек словно не идет, а летит, едва земли касаясь. И если касаться земли чуть реже, а потом еще реже, то совсем не трудно взлететь и летать, легко и просто. Чем не чудо? Я однажды попробовал, и мне понравилось. Правда, летать предпочитаю там, где меня никто не видит. Ни к чему расстраивать тех, кто привык к другим способам передвижения. Деньги в кредит взял, у друзей занял. Купил красивый автомобиль. А тут я мимо и над пробкой пролетаю. Обидно, и главное – машину не бросишь.

На сегодня достаточно. К слову сказать, то, что Вы прочитали, было одним из свежайших чудес. Я его специально с утра пораньше приготовил. Решил, что не будет ничего плохого в том, если иногда вместо обычных слов будут по-

являться чудеса.

О Волшебнике, который...

Это должна была быть сказка о Волшебнике, который разучился творить чудеса. Не потерял свои чудесные способности, а сознательно разучился. Волшебство – это как езда на велосипеде, сколько ни делай перерыв, а сядешь – и поедешь. Конечно, никто из простых людей понять прихоть этого Волшебника не сможет. Решат, что с жиру бесится, не иначе. Как тут объяснить, что приобретая одно, ты неизменно теряешь другое?

Это – Закон сохранения потерь и приобретений.

Если бы можно было быть Волшебником, когда надо, и не быть в остальное время суток... Но таких чудес не бывает.

Хорошая сказка бы, наверное, получилась, пусть и сюжет избит, и морали никакой. Но идея красивая – стать обычным человеком. Не ходить по воде, а в воду окунаться. Не повелевать погодой, а быть нечаянно настигнутым дождем. Наливать в стакан воду и точно знать, что в стакане будет вода, а не молодое вино. Не исцелять никого только одним своим присутствием. И не видеть изнанки предметов и явлений. Чтобы понять, как это прекрасно, нужно сначала в полной мере вкусить, как **ТО** на самом деле. Когда ты являешься

причиной, а не следствием.

Волшебство трудно получить, но избавиться от него практически невозможно. Есть только одно средство. То, что дает Жизнь, и то, чему даже Смерть уступает дорогу. Да—да, Вы правильно догадались — это Любовь. Но как же, возразите Вы, ведь именно Любовь совершает чудеса? А как Вы думаете, что делает Любовь с теми, кто сам являет чудо? Любой волшебник с раннего детства получает уникальную прививку от Любви. Чтобы никаких неожиданностей. И наш Волшебник знал об этом и решил найти способ полюбить.

Тут в сказке могла бы быть очень красивая часть о том, как долго и безуспешно пытался наш герой постичь природу Любви и как однажды совершенно случайно всё и случилось.

На самом деле, было еще проще и прозаичнее. Но я не буду раскрывать секретов волшебства. Влюбиться самому—это полдела. Необходимо, чтобы **НЕ** влюбились в Вас. А как можно не влюбиться в человека с волшебной харизмой? В том—то и дело, что можно. Более того, в реальной Жизни именно так все и случается.

Здесь кульминация сказки. Пылкое признание, холодный отказ. Мучение отвергнутого, попытка приблизиться и... потеря волшебства. Ага. Вот так просто обычная барышня, без особых знаков отличия, легко и непринужденно может лишиться волшебства даже самого продвинутого волшебника.

Сила Любви — это великая сила!

В финале можно было бы попоказничать. Например, влюбить её в уже бывшего Волшебника, чтобы помучилась. Но это уж совсем примитивно и предсказуемо, да и к тому же, даже для сказки неправдоподобно. Барышня влюбится практично и удобно. А бывший Волшебник, он ведь как дитя малое, к Жизни не приспособлен. Пусть любит закатами, да трогает руками воду в фонтанах. Никто его не заставлял становиться таким, как все, тем более, что ему это так и не удалось до конца. Поэтому наиболее подходящий финал будет таким. Оставить Волшебника сидящим на краю обрыва и слушающим эхо от соседнего водопада. Самое ему там место.

Хорошо, что я не записал эту сказку. Уж очень правдивой бы она была. А так хочется, чтобы чудеса хоть иногда происходили. И значит, сказка будет про одного человека, который научился выпускать из своей души, как из клетки, разные чувства. Это такая захватывающая история!

Я её обязательно расскажу, в другой раз.

Обычный человек

В кафе бизнес-ланч. Офисный планктон со всей округи спешит воспользоваться гарантированным правом на обеденный перерыв. В зале шумно. Разговоры, смех, мелодии рингтонов из мобильных, гремит посуда, неразличимо играет какая—то музыка. Два неприметных человека мирно беседуют за столиком у окна. Окно в связи с теплой погодой приоткрыто. Шум улицы вплетается в общий шум.

– Я слышал, что ты когда-то был волшебником?

– Я? Хм... Это было очень «когда-то», уже успел забыть.

– Как такое можно забыть? И что? Ты перестал быть волшебником?

– Я им и не был. Просто убедительно делал вид. Большинство тех, кого считают волшебниками только этим и занимаются – делают вид, что они волшебники. Этого достаточно. Большого от тебя никто не требует.

– А чудеса? Волшебник, вроде как, должен уметь творить чудеса?

– Что такое чудо с точки зрения человека, ожидающего чудо? Это что-то такое, что не укладывается в привычную картинку мира. Любой фокус (внешне) – настоящее чудо. Хотя все прекрасно понимают, что фокус – это немного другое.

– А что такое чудо с точки зрения волшебника?

– Это то, что незаметно в привычной картине мира. Вот смотри, – в руке бывшего волшебника из ниоткуда возникает монета. Движение рукой, монета исчезает. Это повторяется несколько раз. – Это фокус, основанный на тренированности рук и умении отвлечь внимание. Но выглядит он как чудо. Такого в привычном мире быть не должно. Монета ведь появляется и исчезает непонятно откуда и куда. Так это выглядит для того, кто наблюдает со стороны. С точки зрения исполнителя фокуса все выглядит иначе, и вполне объяснимо.

– А чудо?

– Что ты сейчас слышишь?

– Разговоры, шум, звон посуды, сигналы машин с улицы и еще много разных звуков.

– А тишину ты слышишь?

– Как можно услышать тишину в таком шумном месте?

– А ты попытайся. Поищи способ расслышать тишину среди этого шума. Прямо сейчас. Не торопись. Я подожду...

– Ух! Это чудесно! И почему—то стало гораздо тише.

– Вот ты сам и ответил. Тишина незаметна среди шума, но она всегда присутствует. Ты её расслышал и понял, насколько это чудесно.

– Как-то это неволшебно.

– Конечно. Поэтому я и перестал делать вид, что я волшебник. И стал обычным человеком.

– Но ведь обычных людей вокруг много, их большинство!

– Нет. Встретить обычного человека – большая удача. Люди из всех сил стараются стать «необычными», или хотя бы сделать вид (это то же самое), что они необычные. Обычный человек – это просто человек. Такой, какой он есть. Как тишина, которую ты теперь сможешь расслышать среди любого шума.

– Но ведь тогда получается, что обычный человек – настоящее чудо? Ведь он незаметен в привычной картине мира?

– Нам пора. Перерыв уже заканчивается, – улыбнулся Обычный Человек.

Будни злодея

Утро обещало быть солнечным. Но свое обещание выполняло неохотно. Солнце безуспешно пыталось взойти из-за плотной завесы серых и угрюмых туч. Из—за этого рассвет случился невнятным, тревожным и бессмысленным.

Злодей любил просыпаться в такое утро. Можно было немного поваляться в кровати, наслаждаясь послевкусием совершенного накануне, и предвкушать то, чем можно будет порадовать себя сегодня. Он свято следовал своей злодейской сущности и был счастливым человеком. Почему-то считается, что счастья достоин лишь добрый человек. На самом деле, хоть это и не такой большой секрет, так называемые добряки обычно получают свою порцию счастья, одержав победу над «злом». Каким способом эта победа была одержана, умалчивается.

Вчера любимая предупредила его, что если сегодня он подарит ей цветы или еще что-то, то она его просто не поймет. Эта женщина была достойна своего мужчины. Не любила коллективные праздники, радость по команде и следовать «за всеми». Именно поэтому она и выбрала его, предпочитая непредсказуемого злодея правильным и сладеньким добрякам. Цветы жили в её доме круглый год, и она никогда

не знала, когда они у неё появятся. Он дарил ей дорогие подарки, когда у них не было ни гроша, и забывал поздравить в «праздники». Рассказывал ей о женщинах, в которых он влюблялся, и которые отвергали его. Она не жалела их, ведь чтобы быть достойной такого мужчины, мало быть смазливой красоткой.

Злодей вышел из дома. Рассмеялся в хмурое небо и одел наушники. Нашел в плеере *ту самую*, подходящую для сегодняшнего дня, музыку и зашагал по городу. Обычно люди слушают музыку для себя, немногие умеют слушать музыку собой и только настоящие злодеи умеют слушать музыку через себя. Кто-то выдыхает отработанный воздух, кто-то выпускает газы из кишечника, кто-то плюет на землю, наш злодей заражал людей музыкой. Проходящие мимо люди не подозревали, что двигаются под ритм мелодии, излучаемой злодеем. Они начинали улыбаться или хмуриться, совершать что-то неожиданное. Музыка подчиняла себе движение машин и трамваев, увлекала за собой зверей и птиц. Злодей был доволен. Если кому-то сегодня захочется поступить вопреки всему, то, значит, не зря были эта прогулка и эта музыка.

Утро все-таки выполнило свое обещание. Небо прояснилось, тучи улетели по своим делам, равнодушное солнце помогало морозу совершать зимний день. Сегодня у людей был

по расписанию праздник. Они будут признаваться друг другу в любви и дарить подарки. А у злодея сегодня обычный вторник.

Когда-то же нужно начинать

*Стоит ли учить «язык драконов», если тебе
не встретится ни один дракон?*

Аука

Волшебнику было худо. Он брел по серой улице, смотрел на грязный снег, на озабоченные лица прохожих, и от этого зрелища становилось еще противнее. Куцые гирлянды из лампо-

чек раскачивались на ветру и казались клоками грязных волос. Упитанная ворона пыталась что-то отобрать у не менее упитанного кота. Никакого предчувствия праздника.

Неожиданно прямо перед Волшебником возникла дверь, он вошел в эту дверь и оказался внутри огромного зала, где торговали едой. Длинная очередь выстроилась за сметаной. Волшебник шел вдоль этой очереди и ощущал на себе неприязненные взгляды. Люди, стоящие в очереди, не выглядели голодными или убогими, они выглядели злыми. Напротив ларька со сметаной стоял точно такой же ларек, но около него никого не было, в нем сметана была чуть дороже. Наверное, именно это и вызывало злость стоявших в очереди. Волшебник, с трудом подавив в себе приступ тошноты, поспешил выйти на свежий воздух.

Волшебник ненавидел приближающийся праздник. Ненавидел и себя за то, что имел к этому празднику непосред-

ственное отношение. Когда-то давно он совершил ошибку, он позволил себя втянуть в спор, поспорил и заплатил за это. В особый день года Волшебник обязался выполнить одно желание для всех жителей этой планеты. И все бы было хорошо, но уже давно никто не загадывал волшебных желаний. Люди хотели того, что могли себе предоставить сами. Они хотели развесной сметаны на пять рублей дешевле, чем в соседнем ларьке, или чего-то в том же духе: какого-нибудь барахла, спутника жизни, власти или денег. Получив желаемое, они почти мгновенно к этому остывали. Никто не хотел таланта, не хотел знания, не хотел научиться чему-то неизвестному. Зачем? Чтобы воспользоваться всем перечисленным, нужно хорошенько потрудиться. А сметану (– Да далась мне эта сметана! – подумал Волшебник) можно сожрать, причем без особого труда. Скорее бы уж закончился этот праздник. Волшебник вернулся бы в свой зачарованный лес и на год забыл бы о своем позоре.

Вдруг кто-то дернул его за штанину. Карапуз лет восьми внимательно вглядывался в лицо Волшебника.

– Ты – Дед Мороз? – строго поинтересовался серьезный мальчик.

– Да, я Дедушка Мороз. – Волшебник подумал, что пусть мальчишка называет его, как привык. – Что ты хочешь? Велосипед? Ноутбук? Мобильный?

– Нет! Я хочу выучить язык драконов.

– Каких драконов? Откуда здесь драконы?

– Как откуда? Они здесь всегда были и никуда не уходили. Смотри, – пацан ткнул пальцем в сторону роскошной девицы, что проходила мимо. – Это дракониха! Видишь, хвост выглядывает? Торопилась, наверное, не успела спрятать!

– О, Боже! – Волшебник не верил своим глазам. Из-под мехового полушубка торчал кончик хвоста, и это был хвост какой-то рептилии.

– Их тут много. Нужно просто повнимательнее приглядеться.

– А зачем ты хочешь научиться их языку?

– Чтобы спасти принцессу!

– Какую принцессу? Откуда здесь взяться принцессам?

– Если есть драконы, то должны быть и принцессы. Так положено. И этих принцесс нужно спасать. А как я их спасу, если я не знаю языка драконов? Мне же нужно будет поговорить с драконом, вызвать его на поединок и – всё такое!

– Хорошо! Это твое единственное и сокровенное желание? – Волшебник произнес особый предварительный чудесный вопрос.

– Да! Я хочу выучить язык драконов.

Волшебник ударил посохом о землю, что—то громыкнуло, и мальчишка исчез...

– Так вот я и появился в вашем мире, – закончил свой рассказ рыцарь. – Долгие десять лет я учился языку драконов. Тело человека не приспособлено к извлечению зву-

ков, который произносят драконы. Мне пришлось изменить-ся и внешне, и внутренне. И теперь я перед тобой, о великий Дракон, и нам предстоит сразиться.

– А ты знаешь, – Дракон с интересом рассматривал крошечную фигурку перед собой, – что уже много веков никто не вызывает на бой драконов? О нас забыли.

– Знаю, но когда-то же нужно начинать! – И юноша вытащил из ножен меч

Что идет в зачет твоей Жизни?

Лишь то, что ты делаешь, не зная цены этого.

Не зная, хорошо ты делаешь или плохо.

Не ведая, полезно или вредно сделанное тобой.

Не помышляя о том, почитают тебя или нет.

Аука

Из жизни драконов

В фольклоре разных народов можно найти присутствие этих существ – в сказках, легендах, преданиях. Драконы. Чаще всего кровожадные и беспощадные, реже – благородные и мудрые. О них известно не так много, но и это мизерное знание повторяется снова и снова. Кто-то утверждает, что век драконов давно миновал, кто-то считает иначе. Но, так или иначе, о них помнят.

Люди невнимательны – это факт. Эволюционно необходимость быть внимательным к явлениям окружающего мира не востребована. У человека есть масса других возможностей обезопасить себя. Именно этим и пользуются другие существа, живущие рядом с человеком.

Драконы выбрали изящный способ. Они живут среди людей, не очень маскируясь, всячески поддерживая рассказы о том, что дракон обязательно должен выглядеть как злобное чудовище, изрыгающее огонь. Конечно же, это не так. Но все-таки дракон не очень похож на известные человеку виды, поэтому им нужно проделать простой трюк – отвести взгляд. Это не так сложно, к тому же века опасного сосуществования рядом с человеком отточили методику «отвода глаз». Дело в том, что люди в своей массе напоминают неразумных детей – стремятся сорвать и бросить все яркое, разломать неизвестное, вместо того, чтобы хоть немного по-

думать. Дорогой ценой досталось драконам выжить, но при этом они научились быть практически невидимыми, оставаясь при этом на виду.

Отдельно следует остановиться на теме морали. Человеческая мораль – очень специфическая штука. Она защищает и восхваляет одно, но при этом немилосердна к другому. Неоднозначная и часто продажная, хотя здесь не все так однозначно. Драконы не разделяют человеческого пристрастия к «морали» и «нравственности», они больше похожи на существ животного царства. Ни один хищник не будет испытывать какие-то муки совести, убивая добычу. Так и дракон – ничего не объясняет и ни в чем не оправдывается. Он действует.

Занимательно о Драконе неправильными английскими глаголами

– Драконы – существа необычные. Конечно, ездить верхом на драконе затруднительно, но это еще ничего не значит. Не знаю, слышали Вы или нет, но говорят, что дракон состоит из кота, змеи, человека и еще чего-то такого, о чем лучше не думать. Осветим каждую часть дракона отдельно.

Кот, как известно, умеет следующее: есть, пить, дремать, мечтать, таскать, хватать, ловить, расти, бегать, лежать, позволять себя рисовать и класть, а еще водить, прощать и кормить. Неудивительно, что при таком (далеко не полном) наборе качеств кот был выбран в качестве основы дракона.

Про змею можно сказать, что она умеет ползать, звенеть хвостом, подниматься с высоко поднятой головой, становиться страшной и незаметной, делать разные фигуры самой собой, замерзать даже в теплую погоду, подходить по размеру для изготовления кошельков, туфель и портфелей. А вот стоять на коленях змея не может, нет у нее коленей. Неслабый набор умений, скажу вам.

А что у нас можно сказать про человека? Человек может

быть похожим на кота, быть похожим на змею — но это далеко не все. Человек умеет получать и давать, идти и выходить из себя. Человек способен: забывать, терять, искать, прятать и при этом умудряться попадать в цель. Известно, как хорошо некоторые из людей умеют учить продавать, совершенно не умея при этом ничего производить. А уж доказывать способность людей читать, шить и покупать всякую ерунду совершенно нет необходимости. Знать про свои способности людям необязательно, как и про то, что они могут ведь и ошибаться, после чего платить за это. Часто людям приходится занимать у других, выбирать: дуть им или ломать, а потом приносить неприятности и уменьшать потребности. А то, что люди любят строить, очень любит гореть и оставлять руины.

Перейдем теперь к неизвестной части дракона. Именно она не позволяет ранам дракона кровоточить, даже если дракона резать, встряхивать и посылать подальше. Почему дракон умеет летать — не поддается изучению. Как и то, откуда дракон так лихо умеет ставить точки в любом разговоре. Может ли это для нас что-то значить? И может уже пора начинать чувствовать, бороться и находить новые аргументы?

Как хотите. Я же предпочитаю вешать рубашки на плечики, класть носки в специальный мешок и приходить вовремя. Помогло ли это лучше узнать строение дракона? Понятия не имею. — Профессор вдруг наклонился, начал вести

себя странно. Потом упал, разразился громким смехом и... исчез.

Магистранты добавили в конспект еще одну характеристику: «исчезать».

Наставление перед практикой

– Человек так привык считать себя пупом мироздания, что наделяет всё вокруг себя присущими только ему свойствами. Человекоподобные боги, разговаривающий мир, неременная и обязательная забота о нём, о человеке, всего вокруг – это лишь крошечный перечень заблуждений. Если сделать хотя бы парочку шагов в сторону от своей пупковости (насколько пуповина позволит), то нетрудно заметить, что до челове (чества) ка мирозданию нет никакого дела. И участвует он (человек как вид) во вселенской игре наравне с другими представителями живой и неживой материи. Удобряет в меру сил, становится добычей, подвергается воздействию стихий. А всё остальное – это уже из области фантазии неокрепшего ума. Цивилизация, говорите? Так муравейник для мурашей – тоже цивилизация. Человек лишь немного крупнее муравья, а в остальном...

До человека никому нет никакого дела! Может, некоторые представители человеческого вида еще могут принять во внимание отдельных особей (если это им зачем—то понадобится), но ни вода, ни небо, ни ветер, ни огонь, ни земля о человеке даже не подозревают. Разговаривая с ними, человек говорит со своими представлениями о них, то есть с самим собой.

Всем понятно? Успели законспектировать?

А теперь забудьте всё, о чем я только что Вам сказал, если хотите выжить в этом странном мире. Урок окончен.

В школе для драконов начиналась практика.

Пришла пора ученикам выйти в «люди». Те, кто успешно пройдут практику, продолжат обучение, остальные останутся доживать свой век в людской личине.

Первое явление героев

– Значит, хотите у нас работать?

– Скорее, Вы хотите, чтобы у Вас работал такой специалист, как я.

– Дааааа? – Менеджер по кадрам даже приподняла очки, словно увидела перед собой невиданного зверя. – Экий Вы скромняга! Рекомендация? Резюме?

– Всё перед Вами. Что же Вы, назначаете собеседование, а с документами не ознакомились?

– Вы бы повежливее, молодой человек, если конечно хотите поступить к нам на работу. Та-а-ак. Ого! Солидный список. И какие отзывы! А что так много мест сменили?

– А Вы почитайте, там обо мне все подробно написано. Или мне, может, в другой раз к Вам заглянуть?

– Нет, Вы посмотрите! – Дама даже задохнулась от возмущения, но с трудом совладала с собой и продолжила. – Значит, прежние Ваши работодатели с извинениями признавали, что не в состоянии обеспечить Вас работой согласно договору... Любопытно! Специалист по налаживанию производства? А позвольте полюбопытствовать, в чем состояли Ваши обязанности?

– Наладить рабочий процесс. Чтобы коллектив правильно сработался, технология соблюдалась и так далее. А как только всё это сделано, я больше не нужен.

– И Вы хотите сказать, что Вам это удавалось?

– Всегда!

– Здесь написано, что к Вам не было ни единой рекламации?

– Совершенно точно!

– Но каким образом?

– Скажите, Вы – ведь начальник отдела кадров? В Вашу компетенцию входит интересоваться тонкостями того, в чем Вы ничего не смыслите?

– Молодой человек! Моя компетенция находится вне Вашей компетенции. Извините за тавтологию! Вы нам не подходите.

– Замечательно! Не могли бы Вы подтвердить свой отказ письменно?

– Это еще зачем?

Комната осветилась ровным красным светом, и в воздухе запахло серой. Со стороны могло показаться, что ничего не изменилось. Но зрачки дамы-кадровика вдруг изумрудно позеленели и стали вертикальными как у кошки.

– Иввввввва-а-а-а-аннннн?

– Я, змеюшка! Так ты *готов* признать свое поражение?

Черный телефон на столе у Горыныча нежно трижды прокукарекал. Комнату заполнил густой молочный туман и всё стихло...

Кабинет. Около полуночи

«Человек в своем теле находится как внутри самолета, который летит на огромной высоте с невероятной скоростью. А его разум обеспечивает необходимый комфорт в этом путешествии. Смотрит человек через глаза-иллюминаторы, и кажется ему: «Как же там хорошо! За бортом». Хитро и надежно устроенный корпус самолета-тела не пропускает смертельно низкой температуры, да и ветер совсем не ощущается. Только плавное и совершенно безопасное пребывание. Качнет иногда разок-другой – воздушная яма. А так – лети, не хочу. Разум аккуратно снимает показание и телеметрию. Полет – нормальный. Приходит безумная мысль: «А если там, за бортом так хорошо, то чего я тут себя запер в этом теле?». Тянется рука к молоточку – разбить стекло и выйти. Стремительный поток ветра, почти мгновенная разгерметизация. Даже испугаться не успеешь. Тело—самолет теряет устойчивость и скоро рухнет без движения.

Какая опасная глупость – называть наше тело и наш разум *тюрьмой*. Если бы это было так, то чего ради помещать такую драгоценность, как Самость человеческая, внутрь тела и ума?

Стремительно летит в безжизненной пустоте космоса планета. Со страшной скоростью. Много тысяч лет ушло на то, чтобы отточить и отладить человеческое тело. Чтобы в нем

было удобно и комфортно, а главное – безопасно. А когда так удобно, то вдруг возникает мысль: «А чего я тут делаю? Может там, за бортом, лучше?»

Он закрыл кавычку, щелкнул на иконку с изображением дискеты и закрыл ноутбук. Бумагой и пером он не пользовался уже очень давно. Подошел к окну, отодвинул тяжелую штору. Над ночным городом висели тучи. Уже какой день без солнца и какую ночь без звезд.

– Люди. Почему я так много думаю о них? – В темноте чиркнула спичка, на миг осветив дорого обставленный кабинет, камин и лицо с изумрудно-зелеными глазами...

Нежданная сказка

Разные реальности отделены друг от друга невидимой тонкой паутинкой. Человек прилагает очень много усилий, чтобы удержать себя в какой-то отдельной реальности. Повторяет одни и те же действия, думает одни и те же мысли, придерживается одних и тех же привычек. Так устает от этого, что часто валится без сил. Но главного достигает – Мир вокруг более или менее одинаков.

Вокруг происходил снег. Невнятное время. Реальность теряет четкость очертаний, и есть риск свернуть куда не надо. Но если твоя цель – погулять по другим Мирам, то лучшего места и времени не найти. Нужно необычное событие. Оно станет отправной точкой, от которой потянется дорожка в иную реальность. Такое событие должно случиться само собой, неожиданно, а иначе ничего не получится. Это как указатель, знак в «тебе туда».

Слева раздается странный звук, словно дребезжит саксофон, если бы он умел это делать. Внешне, вроде бы, ничего необычного – мама ведет за руку ребенка. Малыш набирает очередную порцию воздуха и издает тот же звук. Как странно одето дитя. Так одевают куклу, обматывая кусками ткани, натягивая разные одежки. Лица не видно. И глаз. Вместо лица – переливающаяся тень.

Саблезубо улыбнулся столб у дороги, и размашистыми периметрами защebetало облако, опрокинув живолость в трамвайных потеках. Клавихи утомили колеса труб в варитомную неизбежность. Запричитал аккордами взимоудивленный сапогавр, минусуя погодные недоразумения. Ширился аспект низменности. Асмахр тироваю хамила, оОоОООооо... ..

Мир стал ярче и отчетливее, словно кто-то навел резкость. Пахнуло чем-то невыносимо вкусным и пугающим одновременно. За спиной раздавался странный дребезжащий звук. Где-то я его уже слышал. Оглянулся. Огромный изумрудно переливающийся в лучах невидимого светила Дракон выливался сверкающим языком. Он был похож на Кота, облаченного в кольчугу.

– Мррр, – улыбнулся Дракон, поднял хвост трубой, выгнул спину и выпустил две струи белоснежного дыма. Потом пружинисто потянулся, одновременно выдирая жуткого вида когтями огромные комья земли. – Варх! – добавил Дракон и ...улетел. Ничего не пообещав...

Слева шел снег – или это дым от выдоха Дракона? Справа задумчиво чирикал звонком трамвай – или это еще не затих богатырский «мур» Дракона? Мама с ребенком нигде не было видно. Или их и не было?

Нежданная необычность. Следуй за ней, разматывая клубок несуразностей. Все гораздо ближе, чем тебя пугали. Там, может, и встретимся, хотя, скорее всего, не узнаем друг друга. Поэтому нужно договориться заранее о явном знаке. Я буду выглядеть как самый обыкновенный заурядный человек.

Не пропусти.

Диалог с Драконом

– Так ты – ОН?!!!

– Я есть! Понимаешь, – есть! Как данность!

– А почему тогда никто не догадывается о том, кто ТЫ?

– Наверное, потому, что никому нет до этого дела. Скажу больше, мало кого интересует вопрос «А кто Я?»

– На последний вопрос ответ у каждого имеется и поэтому мало кого интересует.

– А ты уверен, что тот ответ, что тебе известен, соответствует действительности?

– А почему он вдруг может не соответствовать?

– Вспомни, откуда ты узнал этот ответ?

– Мне его... Ты хочешь сказать, что мне могут морочить голову!

– Ну что ты? Я сказал ровно столько, сколько хотел сказать. Дело в том, что однажды человек решает найти правильный ответ. Если успевает...

Рождение Дракона

Наверное, это знание утрачено и, скорее всего, безвозвратно. Куцые обрывки предположений только путают. Но это ничего не меняет. Ведь если в Море существуют Драконы, то они должны откуда-то появляться? Ответа на вопрос «откуда» – нет.

Дракон выслушал вопрос, сразу как-то устал, тяжело вздохнул и рассказал всё, что помнил. Заранее предупреждая о том, что часть воспоминаний будут от человека, и, значит, доверять им не стоит.

Родился мальчик. Человеческий младенец. Нормальный, без отклонений. Развивался с обычной скоростью, ничем особенным не выделялся. Постепенно превратился в подростка. Средние способности, хотя и несколько нестандартная внешность. Всё – как обычно. Пока однажды утром этот неокрепший юноша не обнаружил, что на голове у него от переносицы к затылку, точно по центру, выступает небольшой нарост. Нарост не беспокоил и под волосами не был виден.

Но с того самого утра начались изменения, которые и привели к неожиданной развязке. Глаза постепенно приобрели изумрудный оттенок, лицо вытянулось. Зрачки все больше напоминали кошачьи или змеиные. Люди старались не смот-

реть ему в глаза, испытывая подсознательную тревогу, а то и ужас.

Гребень проклянулся, когда он был на природе и, к счастью, один. На голове словно что—то лопнуло, стало легко и безумно весело. Юноша заглянул в ближайший ручей и... узнал себя. Больше его никто не видел. Для всех он заблудился и сгинул. На этом человеческая часть заканчивается.

Это принципиальный момент. Невозможно стать другим, не умерев в том, кем ты был до этого. Именно поэтому прошлый опыт и знания мало что значат. И не стоит так переживать, когда что-то утрачивается и забывается. Как и мало пользы в обучении впрок. Цену имеет лишь то, что ты можешь применить в обозримом настоящем.

Бесполезно рассказывать про то, как дракон стал настоящим Драконом. Это знание совершенно не применимо к человеку, даже для утоления жажды любопытства.

Утверждать наверняка, что драконы появляются только из людей, нельзя. Это частный случай, и возможны другие варианты. Кроме того, невозможно быть уверенным в том, что превратиться в дракона можно только в юном возрасте.

Ты можешь прочесть много книг,
Ты можешь обучиться у самых лучших учителей,
Ты можешь получить много дипломов, званий, призыва-
ния.

Это всё ты делаешь и получаешь лишь для себя.

Это как воздух, что ты вдыхаешь,

Как вода, что ты пьешь,

Как пища, которой ты питаешь свое тело.

Ты помнишь, чтобы бывает после вдоха?

Тебе напомнить, что бывает с водой, которую ты выпил?

А чем становится пища, побывав внутри твоего тела?

Такова участь всего, что ты используешь только для себя.

И цена ему та же.

Что же ты можешь сделать ценного, полезного?

Что идет в зачет твоей Жизни?

Лишь то, что ты делаешь, не зная цены этого.

Не зная, хорошо ты делаешь или плохо.

Не ведая, полезно или вредно сделанное тобой.

Не помышляя о том, почитают тебя или нет.

Так.

Диалог с погонщиком драконов

– Как я могу научиться всегда одерживать победу?

– Это невозможно, сынок...

– Но почему? Разве невозможно быть непобежденным?

– Попробуй понять, что такое победа и что такое поражение. Моего лучшего дракона вчера убил в пустыне какой-то герой. Дракон погиб в честном бою, а герой остался умирать в пустыне от ран, без воды и еды. Его в пустыню занес на своих крыльях дракон.

И кто из них победитель? Тот, кто умер легко и достойно или тот, кто погнавшись за мнимой победой, позволил себя заманить в ловушку?

– И все равно, герой ведь убил дракона, значит – он победитель!

– А разве дракон не убил героя? Какая разница для того, кто умер – умереть прямо сейчас или спустя некоторое время. Да и кто узнает о том, что этот герой – победитель?

– Хм... А кто тогда победитель и кто – побежденный?

– Для того, кто в битве, это неважно. Тем или другим тебя назовут другие. Если ты – настоящий победитель, то некому будет сказать тебе об этом. Если ты действительно побежден, то среди твоего окружения не будет победителей, а будут точно такие же, как и ты, если, конечно, ты еще будешь. Жив и в состоянии понять.

– По-твоему, нет ни победителей, ни побежденных?

– Есть битва. Битва, в которую ты вступаешь или которой ты смог избежать. И есть зрители, которым неважно, победишь именно ты или кто-то другой. Как ни странно, но именно для тебя совершенно не важно, победишь ты или проиграешь. Это тонкое искусство.

Но поняв его, ты становишься недоступным как для победы, так и для поражения.

Запустить дракона! Взмах первый

– И запомни, никогда не изготавливай дракона только ради забавы. Это – главное и единственное правило, которое нельзя нарушать. – Погонщик церемонно поклонился и растаял в воздухе.

Вот еще одно знание, и от него никуда не денешься. Зачем мне оно? Но ведь я не успокоюсь, пока не испробую. Похоже, что я влип, и влип серьезно.

Как он там говорил? Нужно определить цель и уже не отступать от неё. Какая у меня цель? Их много. Нужна одна, всего одна – это просто, я смогу. Всего одна цель... Всего одна... Куда же они? Оказалось, что нет ни одной стоящей цели, ради которой стоило бы затевать эту возню с драконом. Значит, ничего делать не буду. Как это, не буду!? В кои веки мне повезло соприкоснуться с чем-то по-настоящему волшебным, и я удеру? Не-е-ет. Что же, что же? Стоп! Но ведь погонщик не сказал ничего о том, какая это должна быть цель. Значит, любая? Пусть это будет цель – узнать, какая моя самая главная цель! Да! Так и будет. Пусть так и будет. Что там дальше. Нужно... нет не нужно, – просто успокоим дух. Это просто, я смогу – вот уже спокоен.

Дракон будет небольшой, чтобы с руки можно было запу-

ститъ. Одна голова, крылья, и пусть он понимает мои слова. Ух ты! Какой красавец! А почему прозрачный? Я через него всё вижу! Цвет! Как же я забыл! Изумрудный! Уже лучше. Гораздо лучше. Проверим, слушается ли он меня? Эй? Какой взгляд! Мурашки по коже! И не мигает! Ты меня слышишь? Мигнул! Это – да? Еще раз мигнул! Пусть будет «да»!

Ты должен узнать, какая у меня главная цель! Узнай, какая моя главная цель. Принеси мне знание о моей главной цели. Так, сказал трижды, не повторившись.

Теперь запускаем. Рукой – знак бесконечности и подкидываем в воздух. Как он грациозно летит! Жаль, если не вернется. Как легко стало на душе! Словно я сделал что-то важное. Интересно, долго он будет искать ответ на мой вопрос? И найдет ли?

Слушая музыку. Взмах второй

– Слушая музыку, слушай её сердцем. Вот здесь, – погонщик осторожно коснулся пальцами центра моей груди. Его прикосновение – как легкий электрический разряд. – Только так ты услышишь свою музыку. Эта музыка и будет той материей, из которой ты сделаешь своего дракона.

Легко сказать – слушай сердцем. Ему хорошо говорить, за тысячи лет он чем хочешь слышать научился, а тут ушами-то не всё толком слышишь. Я так думаю, что музыка, как минимум, должна быть приятна на слух. Положим ладонь на грудь. Вот так. Глаза прикроем, чтобы зрение не мешало. И – слушаем.

Нет, это – явно не та музыка. И эта не годится. У меня такая фонотека, и что, она бесполезна? Посижу в тишине. Ух! А это откуда? Откуда звучит эта невыносимая мелодия? Даже рука дрожит на груди. Неужели из моего сердца? Так вот она какая – Моя Музыка! Открою глаза. Какая красота вокруг! Словно радуги вокруг разбросаны. Это не радуги – это же... Это же – Музыка! Вот из чего я изготовлю своего дракона! Только бы хватило Музыки, только бы она звучала! Как интересно, сколько ни собираю этой радужной материи – её меньше не становится. Так что же, она звучит во мне всегда – эта Музыка?

Понимание полета. Взмах третий

– Человек всю свою жизнь проводит в полете. – Погонщик замолчал и внимательно на меня посмотрел. – Именно поэтому человек не чувствует своего полета. То, что привычно – не осознается. Понять и заново пережить привычное – достойная задача, для тебя же это – единственный способ научить твоего дракона полету. Драконы не умеют летать от рождения. Полет дракона отличается от полета птицы. Чтобы это понять, тебе придется сначала понять свой полет. Тогда.

Погонщик показал мне на кушетку. Обычную такую кушетку, какие в изобилии водятся в любой больнице. На кушетке лежали две маленькие подушки и тонкий плед.

– Существует множество способов для понимания полета. Но опробовать стоит лишь те из них, где ты сам решаешь, когда и что ты будешь делать. Я покажу тебе направление и расскажу о безопасности – остальное зависит от твоего усердия и желания. Сними часы и украшения, ослабь ремень на брюках, лучше, если ты будешь одет в удобную и просторную одежду. Позаботься о том, чтобы тебя какое-то время никто не беспокоил. Ты будешь открыт, и если тебя резко отвлечь, то это может быть небезопасно для твоего тела. Помни

об этом, лучше совсем не делать того, о чем я тебе расскажу, чем подвергать себя опасности, – погонщик помолчал. Он давал мне время впитать услышанное. – Ложись. Ложись удобно. Положи под голову тонкую подушку или сложенное в несколько раз полотенце, твоей голове должно быть удобно. Пусть пятки коснутся друг друга, если это положение для тебя неудобно, то подложи под колени подушку или сложенное полотенце. Поищи такое положение подушки под ногами, при котором тебе будет удобно. Накройся пледом. Положи руки ладонями вниз на паховые впадины. Локти немного в стороны. Главное условие – удобство, твоему телу должно быть удобно.

Закрой глаза. Посмотри через закрытые глаза вдаль. Как можно дальше. В возможную для тебя бесконечность. Если тебе это необходимо, то можешь представить, что всматриваешься в бесконечность космоса, вокруг тебя звезды и вечная ночь. Поищи разные способы такого смотрения, обрати внимание на свои губы, на свое лицо. Ты заметишь, что когда ты смотришь в бесконечность, то на твоих губах играет легкая улыбка. Это критерий правильного выполнения. Ты можешь начать с легкой улыбки и затем, уже наслаждаясь ею, посмотреть вдаль.

Это всё, что необходимо тебе делать. Смотреть в бесконечность, легко улыбаясь. При этом тебе нет никакого дела ни до бесконечности, ни до улыбки, ни до происходящего с тобой. Ты лежишь и смотришь в бесконечность. Твое

внимание может ускользнуть, ты можешь отвлекаться. Мягко возвращайся к созерцанию бесконечности. Через некоторое время начнется освобождение твоего тела. Будь готов не обращать внимания и на это. Никто не знает, что будет происходить с твоим телом. Возможно, ты почувствуешь какие-то запахи, услышишь какие-то звуки, перед твоими глазами могут вспыхивать разные образы. Тело может начать дергаться, совершать произвольные движения. Ты можешь ощутить тепло или холод. Пусть это происходит. Ты – лежишь и смотришь в бесконечность. Не пугайся. Тело слишком долго привыкло к тому, чтобы разучиться ощущать полет. Ему нужно освободиться. Не мешай телу. Не делай ничего специально. Пусть тело занимается собой само. Происходящее может быть ярко выраженным или едва заметным – это не имеет никакого значения. Ты смотришь вдаль – это единственное, что тебя занимает.

– Как долго я должен это делать, вернее, *не* делать? – Я не представлял, *как* мне это делать, хотелось знать хотя бы, *сколько* этого не делать.

– Ты почувствуешь, когда хватит. Тело исчерпает необходимый ему запас фокусов и остановится. Это похоже на ощущение утоления жажды. Тогда ты можешь перейти к окончанию данного опыта. Не спеши вставать и открывать глаза. Выходить из состояния полета нужно осторожно и постепенно. Положи левую ладонь (пятьки можешь разомкнуть, если

захочется) чуть ниже пупа, накрой её правой ладонью (для девушек и женщин правая ладонь накрыта левой). Полежи так какое-то время, «дыша животом». Тебе нужно дождаться состояния, при котором исчезнут любые необычные ощущения в теле. Лежишь, обращая внимание на руки, на дыхание и ждешь.

Потянись, можешь вставать.

Сколько ты будешь все это делать, неизвестно. Может, пару десятков минут, может, пару часов. Это личное дело твоего тела.

– Какое отношение имеет рассказанное тобой к пониманию полета?

– Прямое. Однажды твое тело сможет сбросить привычные оковы, и ты получишь возможность ощутить свой непрекращающийся полет. Тогда ты будешь готов к тому, чтобы передать это ощущение своему дракону. Не пытайся что-то воображать или представлять специально – это не приблизит тебя к успеху. А теперь делай. Мне пора. – Погонщик хлопнул в ладоши и исчез.

Я, наверное, слишком психовал и очень старался ничего не делать. Смотреть вдаль было несложно, но удерживать такой способ смотрения оказалось делом непростым. Мешало и ожидание «необычного» в теле.

Но потом что-то «сломалось» внутри. Я и не знал, что способен совершать такие движения. И это было чрезвычайно

приятно...

Мой дракон всегда со мной

Он любит музыку, особенно Моцарта и Вагнера.

Часто ненадолго исчезает, а потом рассказывает мне чудные истории.

Он любит выполнять мелкие поручения и решать сложные проблемы.

При этом не берет за это никакой платы.

Это благодарность за то, что он имеет возможность появляться в этом мире.

Он не понимает, что значит любить, и почему это так важно.

Ему не нужно уметь читать, считать и писать – то, что ему нужно знать, он получает сразу же и неизвестно откуда.

Он не любит провода, опоясавшие наши города.

Я бы мог соврать, сказав, что нужен ему.

Это не так, скорее уж наоборот.

Однажды он улетит и не вернется.

Так уже было.

Обычный день

Утром, выстригая волосы из носа, он подумал, что уж слишком часто в последнее время приходится это делать. А еще с удовольствием вспомнил о том, как славно вчера поболтали с драконом.

Обычный вызов, привычная работа. Спасти принцессу от коварного и злобного змея. Но «змей» оказался рефлексивным и задерганным типом. Драться с ним совсем не хотелось. Сели на завалинке у стен дворца. У змея с собой было. «Вздрогнули», потом закурили какую-то гадость. Потекли разговоры. Дракон жаловался на вздорную принцессу, на трусливых и болтливых принцев, на ревматизм и плохую погоду. А он неожиданно для себя рассказал о той самой женщине. Рассказал, как любит её, и что давно бы все бросил, и остался с ней навсегда. Дракон слушал, понимающе кивал головой. Душевно посидели, разошлись с миром. Про принцессу никто и не заикнулся.

Силы уже не те. И ладно бы – силы. Вчера ехал через лес и слышал, как кто-то просит о помощи. Рука привычно скользнула за мечом, а меча-то и нет. Нет меча, забыл его вместе с ножнами. Пришлось впрягаться в драку голыми руками. Хорошо, что хоть попались обычные лихие люди,

а не обученные бойцы. Но в левом колене что-то предательски похрустывало, и с одного удара, как прежде, противника уже не укладывал.

Он понимал своих коллег, что подались в учителя единоборств. Работа непыльная. Тело помнит, техника филигранная, что еще нужно для того, чтобы перед молодежью покрасоваться? Для реального боя одной техники уже мало, а сил маловато и дыхалка подводит. Пасть в бою не всякому повезет, а жить-то, вернее, доживать как-то надо.

Неужели пора уходить? Как быстро всё закончилось. Слишком быстро. Романтизм появился. Рубишься насмерть, а сам паутинку между деревьев замечаешь, а в паутинке капелька росы дрожит. И так дрожит, шельма, такая беззащитная! С риском для себя уводишь противника в сторону, лишь бы капельку ту не смахнуть ненароком.

Это уже старость. С этим противником не совладать. Никкак не совладать.

Дорога – верная подруга.

Разматываешь мысли по ветру.

Сколько еще впереди, той дороги?

Что ждет за поворотом?

Принцесса была...

Погода была прекрасная, принцесса была... Собственно, никакой принцессы в условленном месте не было. Он же прибыл точно в оговоренный срок и нисколько не удивился тому, что его никто не ждал.

За долгие года Жизни у него накопилось множество принципов, которым он следовал неукоснительно. А любой принцип, если ему следовать слишком долго, становится привычкой. Привычку же редко кто в себе замечает. Она есть и есть. Одной из таких привычек и была пунктуальность. Как лицо королевских кровей, он был пунктуальным от рождения. Короли никогда не пользовались хронометрами. Хронометры измеряли расстояние между несколькими промежутками времени, но не гарантировали точность. Мореплаватели и естествоиспытатели хорошо это знали и пользовали часы по их прямому назначению. Прочий же люд пребывал под влиянием вредной иллюзии: измеренное время – укрощенное время. Лицо королевской крови получало прямое знание о том, как точно распорядиться указанным сроком времени. В момент, когда назначался срок того или иного события, внутри человека словно бы взводился невидимый механизм, который с невероятной точностью руководил действиями человека и позволял оказаться в нужном месте в точное время. Принцип пунктуальности можно было нарушить,

но этого никто не допускал. И у королей свои слабости.

Он укрылся под кроной старой ели, как раз напротив условленного места, и наслаждался прекрасным видом, что ему открылся. Скоро раздался шум, и на поляне появился странный экипаж, который двигался без помощи лошадей, при этом громко тархтел и смрадно дымил. Из экипажа выскочило несколько человек, по всей видимости, слуги. Они поспешно выгрузили пару дорожных сумок и насильно вытолкали из экипажа стройную девушку. После чего слуги загрузились в свою странную повозку и стремительно покинули живописную поляну, оставив после себя облако сизого дыма. Девушка что-то прокричала им вслед и зачем-то вскинула руку с выдвинутым средним пальцем. Она села под дерево, воровато оглянулась по сторонам и начала что-то искать в одной из своих сумок. Скоро в её руках оказался странный предмет, напоминавший свернутую из бумаги трубочку, с одной стороны бумага была скручена. Девушка умело смяла нескрученный конец трубочки и ухватила его губами. Затем начала крутить блестящее колесико, расположенное на продолговатом предмете, который она извлекла из той же сумки. От вращения колесико искрило. По всей видимости, от такого вращения должен был появиться огонь.

Он неслышно подошел к девушке и произнес:

– Рад нашей встрече, Ваше Высочество. Позвольте Вам помочь, – на конце большого пальца его руки вспыхнул и за-

плясал синеватый огонек.

Девушка, ни слова не говоря, поднесла скрученный конец трубочки к огню и жадно раскурила папиросу (он уже однажды видел, как люди курят, и догадался, что это такое). Затем затаилась и, задержав дыхание, с наслаждением прикрыла глаза. Медленно выпустила дым и после этого взглянула на стоящего перед ней человека. Дым, который выдохнула девушка, имел приторно-сладковатый запах и явно одурманивал её.

– А ты ничего так, симпатичный, – томно пролепетала Принцесса. – Я ожидала увидеть какое-то чудовище волосатое, а ты вон какой – прикольный. Девушка еще раз приложила к папироске и вдруг звонко и заливисто расхохоталась. – Мне вот совсем и не страшно. Хороший косячок, быстро торкнул. И как ты меня будешь есть? Засолишь? Отваришь? Или зажаришь на вертеле?

– Извините, Ваше Высочество, но я не совсем понимаю, о чем Вы говорите. Что значит – есть? Разве цивилизованные люди едят других людей?

– А то! Жрут за милу душу! Сразу видно, что ты во дворце не жил! – Принцесса еще раз затаилась. – А тебе-то сам Бог велел человечинкой баловаться. Ты ж у нас кто?

– Кто? – неожиданно для себя переспросил он.

– Лю-до-ед, – по слогам произнесла Принцесса. – То есть тот, кто ест людей, человеков то есть!

– Извините Ваше Высочество, но Вы не совсем правиль-

но произнесли мое имя. Позвольте представиться, барон Люде Эд. Основатель и бессменный директор Школы изящных знаний для лиц королевского происхождения.

– Чё-ё-ёрт! – Принцесса закашлялась. – Так, значит, мне все эти годы вешали лапшу на уши, рассказывая сказки про то, что в темном лесу живет злой людоед, который должен будет меня слопать, как только мне исполнится шестнадцать? Кстати, я не девственница! – неожиданно заявила Принцесса, показала барону язык и скорчила гримасу.

– Не вижу в этом большой проблемы. Нам пора, Ваше Высочество. Позвольте Вам завязать глаза.

– Это еще зачем? Боишься, что сбегу?

– Нет. У Вас с непривычки может закружиться голова.

Барон завязал Принцессе глаза повязкой из черного бархата, взял её за руку, и они стремительно взлетели над макушками самых высоких деревьев. До фамильного замка было около пяти минут лету. Барон крепко держал Принцессу за руку и думал о том, что на какие только ухищрения не приходится идти современным королям, чтобы уговорить их чадо попасть в его Школу и получить необходимое образование...

Не бывает плохих людей

– Плохих или ненужных людей не бывает.

– Почему?

– Потому что такое положение вещей было бы неразумным.

– Но как же? Как же воры, убийцы, насильники и другие отбросы?

– Не спеши с оценками.

– Я не спешу, я говорю о том, что есть.

– Ты говоришь о том, чему тебя научили. И научили по вполне понятной причине. Послушай меня немного, и, возможно, ты немного изменишь свою точку зрения.

– Слушаю.

– Видишь справа от нас поле, засеянное пшеницей? А слева – обычная поляна, с обычной полевой травой. И там, и там – поле. И там, и там – трава. Но какое поле важнее?

– Засеянное пшеницей! Хотя, поле с травой тоже важное, траву можно скосить и кормить ею коров.

– Ты не находишь некоторую однобокость твоей оценки?

– Нет. Я исхожу из пользы.

– Из пользы для кого?

– Для людей, конечно!

– А кроме людей на этой планете больше никого нет?

– Есть, но какое это имеет значение.

– А такое значение, что поляна – это чей-то дом. Бесплезная с твоей точки зрения трава – для кого-то нужная еда, а для кого и лекарство. Тот факт, что ты не принимаешь это во внимание, не дает тебе право разделять на правильное и неправильное.

– Это почему?

– Хотя бы потому, что это не ты создала эту траву, и не благодаря тебе она растет. Даже если тебя не будет, трава вырастет и в этом случае.

– Ладно, с травой понятно. А с людьми?

– Да и с людьми то же самое. Тот факт, что люди так разнообразны, вряд ли случаен.

– Почему?

– Нам неизвестна общая картина и неизвестен изначальный замысел. Мы оцениваем людей исключительно по тому, насколько они полезны или вредны для нас. Такая оценка ограничена. И она не дает возможность воспользоваться смыслом.

– Поясни? Не понимаю.

– Если ты допускаешь правильность изначального замысла, ты будешь более адекватен происходящему. Это не только разнообразит твою Жизнь, но и даст тебе возможность выбора. А это – уже первый шаг к свободе. Но об этом в другой раз.

Принцесса и Лю де Эд пересекли лес и вышли к Замку.

Солнце клонилось к закату, и воздух был напоен ароматом нагретой за день травы. Разные букашки наполняли тишину своим жужжанием. Было так хорошо, что Принцесса даже не могла отыскать причину этого. Она смотрела вокруг, и дыхание её перехватывало от восторга...

Прививка от совести

– Хорошо помню ощущение стыда, которое испытал впервые. Не помню свой возраст, когда это случилось, не помню причину, не помню ни одной детали, а вот ощущение помню хорошо. Непонятная и пугающая боль, не физическая – и поэтому непонятная. Больно и жарко всему тебе, очень неудобно. Неудобным стал я сам. И желание убежать, спрятаться, укрыться, и чтобы никто не нашел тебя. Казалось, что умираешь.

Жизнь среди себе подобных подсказала, что от приступов совести не умирают. Со мной поделились секретом, что любые угрызения совести – это обычная романтическая чушь, да что там чушь – это блажь. Можно прожить жизнь и прожить хорошо так, добротно и – не испытывать стыда. Ведь если на голос совести не обращать внимания, то скоро получишь прививку от совести.

У меня не получилось привиться. Аллергия на «неиспытывание стыда» оказалась сильнее. Не знаю, радоваться мне этому или огорчаться. Одно могу сказать точно: «*Жить* по совести – трудно». Обрекаешь себя на какие-то непонятные оглядки, ограничения и придирки. И все это относится к самому себе. Добротно по совести не получается *Жить*, а вот хорошо —получается. Причем, *Жить* хорошо – очень легко, ведь если легко на душе, то легко и всему тебе.

Вот бы узнать, а как живет тот, кто с прививкой? Эта прививка у них навсегда или на время? Я спрашивал, но мне никто ничего толком не сказал. Те, кто привит от совести, не любят говорить на такие темы. Они считают, что в жизни нет места мыслям и разговорам, от которых начинаешь задумываться, мол, и без этого забот хватает.

А я не понимаю, как же это так? Как может быть неважным то, легко тебе на душе или тяжело? Знаешь, *Жить* по совести – это значит не иметь выбора. Какой может быть выбор, если ты прислушиваешься ко всему, что с тобой происходит? А совесть она как камертон – если ты созвучен с Миром, то звучишь красиво, а не созвучен, то сразу фальшивить начинаешь.

Я хорошо помню первое ощущение стыда. Оно было самым ярким, и оно определило мою *Жизнь*. Наверное, у каждого *Живого* существа было самое первое «стыдно», именно от этого момента и можно отсчитывать вес твоей души... Глупый я, да?

– Нам пора, Ваше Высочество, – барон накрыл плечи Принцессы теплой накидкой и взглядом указал на небо. – На востоке уже совсем светло, и маленькому дракону нужно отправляться в спасительную темноту пещеры.

– А мы еще с ним встретимся?

– Непременно! У него есть чему поучиться!

Ни слова о воде

– Попробуйте. Это очень вкусно, – Лю де Эд подал Принцессе высокий бокал, сделанный из какого-то кристалла. Внутри бокала было что-то налито.

– Это же обычная вода!?! – воскликнула Принцесса, торопливо отпив из бокала и сморщившись.

– Не совсем так, Ваше Высочество. Это ключевая вода! Одна из самых чистых и полезных. Сделайте еще глоток и не спешите. Позвольте воде дать себя почувствовать.

Принцесса осторожно, словно боясь обжечься, отпила немного из бокала. Поддержала воду во рту, будто это была не вода, а дорогое вино, потом так же осторожно проглотила.

– Хм... – Принцесса явно не находила слов. – Это по-прежнему просто вода, но что-то в ней появилось новое. Вкус какой-то.

– Вы правы как никогда прежде, Ваше Высочество. В бокале всё та же обычная ключевая вода. Но в эту воду Вы только что добавили немного себя.

– Как это, себя?

– Это довольно трудно объяснить. Вода по праву считается универсальным растворителем. Очень мало на свете веществ, которые рано или поздно под воздействием воды не изменили бы свои свойства. Помните расхожее: «Вода ка-

мень точит»? Так вот, вкус воде придает тот, кто её пробует. Разные люди чувствуют разные оттенки вкуса. Более того, невозможно передать другому человеку свое ощущение вкуса. Вкус – одно из самых сокровенных и личных переживаний. Со мной в этом вопросе можно не согласиться, но меня очень трудно опровергнуть. Ключевая вода практически не имеет вкуса. И если её пить быстро и не пробуя, то вкуса и не почувствуешь. Но стоит только дать себе труд попробовать эту воду, как вкус тут же появится.

– Это очень вкусная вода. Удивительно вкусная. Я прежде никогда не пила просто воду. Мне подавали либо вино, либо какие-то другие напитки. Но Вы мне открыли вкус настоящей воды. Это удивительно, – Принцесса еще раз повторила ритуал опробования воды и, похоже, снова осталась довольна результатом.

– Вы, Ваше Высочество, только что коснулись очень любопытного факта. Какой бы мы напиток ни взяли, в основе его лежит самая обычная, практически не имеющая вкуса вода. Мы растворяем в воде разные вещества, настаиваем медленно растворимое, подогреваем, кипятим, даже замораживаем и совершаем еще массу разных манипуляций с одной единственной целью – чтобы вода донесла до нас новый вкус.

– По-Вашему, вода – основа, из которой делается всё, что мы пьем?

– Именно. Сколь бы изысканным ни был напиток – это

всего лишь та же самая вода. Изысканность и вкусовые delicatности напитку придают не столько те, кто его делает, сколько те, кто пробуют. Уберите пробующего напиток и Вы получите просто не очень чистую воду.

– Какая ловкая шутка! А я люблю, как Вы выразились, «не очень чистую воду». Очень люблю!

– В этом нет ничего странного, Ваше Высочество, и ничего страшного. Главное – соблюсти меру. Вы ведь уже знаете, что бывает, если вдруг выпить лишнего?

– Вы говорите о вине?

– Не только. И не столько. Если выпить слишком много даже обычной воды, то можно нанести непоправимый вред своему телу. Пытка водой и казнь водой – это довольно мучительные способы наказания. Но не будем об этом.

– Барон, а скажите честно, Вы ведь не просто так мне всё это рассказываете?

– От Вас ничего не скроешь, Ваше Высочество. То, что я хотел сказать Вам о воде, я уже сказал и, надеюсь, что Вы получили дополнительные знания о том, как следует получать удовольствие от того, что пробуешь. При этом неважно даже, вода это или что-то другое. Но это еще не всё. Скажите, если кто-то попросит у Вас пить, то что Вы сделаете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.